

Сюжеты и судьбы

Научная статья

УДК 82-65

DOI 10.25205/2713-3133-2023-3-90-143

«Помогите мне в моем великом горе». О хлопотах Ахматовой по освобождению сына (новые детали) Статья первая

Ольга Ефимовна Рубинчик

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
rubinchik_olga@mail.ru

Аннотация

Работа посвящена попыткам Анны Ахматовой освободить сына после ареста 1949 г. На эту тему написано много, особенно – литературоведом Эммой Герштейн, которая принимала в ахматовских хлопотах самоотверженное участие. В данной работе обнаружится ряд не публиковавшихся материалов 1954–1956 гг. из архива Герштейн в Российской государственной библиотеке (фонд 641). Прежде всего, это письма-ходатайства Ахматовой писателям, видным литературным и партийным функционерам Михаилу Шолохову (два: авторизованный машинописный черновик и ахматовский автограф) и Александру Фадееву (одно: машинописный черновик с поправками Герштейн). Также это рукописное письмо-доверенность Ахматовой к Герштейн и текст, названный Эммой Григорьевной «Объяснения Э. Г. Герштейн к письмам А. А. Ахматовой к М. А. Шолохову и А. А. Фадееву и к некоторым другим документам по делу ее сына». «Некоторые другие документы» – это упоминавшиеся Герштейн в печати, но не опубликованные ею ходатайства за Гумилева, написанные крупными учеными: два – востоковедом Василием Струве, по одному – археологами Алексеем Окладниковым и Михаилом Артамоновым. Три ходатайства опубликованы, одно до сих пор не публиковалось и будет напечатано здесь впервые вместе с другими неизвестными материалами. Среди новых материалов также – письмо Ахматовой поэту и маститому литературному функционеру Алексею Суркову, не из архива Герштейн, но тематически связанное со всем остальным.

Работа состоит из двух частей (статей). В первую статью включены письма Ахматовой Шолохову и ходатайства ученых, машинописные копии которых приложены ко второму письму. Ходатайства представляют собой характеристики Льва Гумилева – «очень ценного специалиста» и «честного советского человека» (Струве) и содержат просьбы в ускоренном порядке пересмотреть его дело и вернуть «выдающегося исследователя прошлого народов Центральной и Средней Азии» «к настоящей жизни в науке» (Окладников).

© Рубинчик О. Е., 2023

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2023. № 3. С. 90–143

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 3, pp. 90–143

Рубинчик О. Е. О хлопотах Ахматовой по освобождению сына (новые детали)

Во вторую статью, которая выйдет в следующем номере журнала, включены письма Ахматовой Фадееву и Суркову.

Публикация писем сопровождается «Объяснениями» Герштейн и обширным комментарием.

Ключевые слова

А. Ахматова, Э. Герштейн, Л. Гумилев, М. Шолохов, В. Струве, А. Окладников, М. Артамонов, письма, сталинские репрессии

Благодарности

Благодарю Р. Д. Тименчика и О. А. Щеглову за консультации по ходу работы.

Для цитирования

Рубинчик О. Е. «Помогите мне в моем великом горе»: о хлопотах Ахматовой по освобождению сына (новые детали). Статья первая // Сюжетология и сюжетология. 2023. № 3. С. 90–143. DOI 10.25205/2713-3133-2023-3-90-143

**“Please, Help Me in My Great Sorrow”.
Concerning Akhmatova’s Efforts to Free Her Son (New Details)
Article one**

Olga E. Rubinchik

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
rubinchik_olga@mail.ru

Abstract

This paper is about Anna Akhmatova’s attempts to free her son after his arrest in 1949. There has been a lot of literature on the subject, especially by the literary scholar, Emma Gerstein, who took a dedicated part in Akhmatova’s efforts. This paper makes a number of unpublished material from 1954–1956 from Gerstein’s archive at the Russian State Library (fond 641). First of all, these are letters of petition from Akhmatova to writers, prominent literary and party functionaries Mikhail Sholokhov (two: an authorized typewritten draft and Akhmatova’s autograph) and Aleksandr Fadeev (one: a typewritten draft with amendments by Gerstein). There is also a handwritten letter of acknowledgement from Akhmatova to Gerstein and a text called by Emma Grigorievna “Explanations by E.G. Gerstein to A.A. Akhmatova’s letters addressed to M.A. Sholokhov and A.A. Fadeev and to some other documents on the case of her son”. “Some other documents” are the petitions for Gumilev mentioned by Gerstein in the press but not published by her, written by major scholars: two by the orientalist, Vasily Struve, one each by archaeologists Aleksei Okladnikov and Mikhail Artamonov. Three petitions have been published, one has not yet been published and will be published here for the first time, together with other unknown materials. Among the new materials there is also a letter from Akhmatova to the poet and venerable literary functionary figure Aleksei Surkov, not from the Gerstein archive, although thematically related to the rest of them.

The paper consists of two parts (articles). The first part includes Akhmatova’s letters to Sholokhov and petitions from scholars, typewritten copies of which are appended to the second letter. The petitions are descriptions of Lev Gumilev, “a very valuable specialist” and “an honest Soviet man” (Struve), and contain requests for an expedited review of his case and to return “the outstanding researcher of Central and Middle Asian peoples’ history” “to a real life in science” (Okladnikov).

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетология. 2023. № 3
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 3

Сюжеты и судьбы

The second article, which will appear in the next issue, includes Akhmatova's letters to Fadeev and Surkov. The publication of the letters is accompanied by Gerstein's "Explanations" and an extensive commentary.

Keywords

A. Akhmatova, E. Gerstein, L. Gumilev, M. Sholokhov, V. Struve, A. Okladnikov, M. Artaimonov, letters, Stalinist repression

Acknowledgments

I am grateful to R. D. Timenchik and O. A. Shcheglova for their advice in the course of the work.

For citation

Rubinichik O. E. "Please, Help Me in My Great Sorrow". Concerning Akhmatova's Efforts to Free Her Son (New Details). Article one. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 3, pp. 90–143. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-3-90-143

О том, как Анна Ахматова пыталась освободить сына после ареста в 1949 г.¹, написано много, особенно – Эммой Герштейн², принимавшей в ахматовских хлопотах самоотверженное участие. Но в архиве Герштейн в РГБ (фонд 641) хранятся неопубликованные материалы, добавляющие к истории борьбы за Льва Гумилева новые существенные детали. Это письма-ходатайства Ахматовой Михаилу Шолохову (два) и Александру Фадееву (одно), а также доверительное письмо Ахматовой к Герштейн и текст, названный Эммой Григорьевной «Объяснения Э. Г. Герштейн к письмам А. А. Ахматовой к М. А. Шолохову и А. А. Фадееву и к некоторым другим документам по делу ее сына». «Некоторые другие документы» – это упоминавшиеся Герштейн в печати, но не обнародованные ею ходатайства за Гумилева, написанные учеными. Их четыре; три из них опубликованы в 2003 г. в сборнике воспоминаний и исследований о Гумилеве [Вспоминая Л. Н. Гумилева..., 2003, с. 332–336, 361–362], одно до сих пор не публиковалось и будет напечатано здесь впервые вместе с другими неизвестными материалами, среди которых – письмо Ахматовой А. А. Суркову, не из архива Герштейн, но тематически связанное со всем остальным.

Текст «Объяснений» поделен Эммой Григорьевной на три части, идущие под арабскими цифрами. Частично объяснения совпадают с тем, что рассказано Герштейн в статье «Мемуары и факты (об освобождении Льва Гумилева)» и в книге «Мемуары». Однако в статье и книге она подробно описала многолетнюю исто-

¹ Сын А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева Лев Николаевич Гумилев (1912–1992) – специалист по истории народов Центральной Азии, доктор исторических наук, защитил также докторскую диссертацию по географии, но ВАК не утвердил ученую степень; основатель этнологии – нового научного направления на стыке этнографии, истории, географии, археологии. Четырежды арестовывался, в общей сложности провел в тюрьмах и лагерях четырнадцать лет. В последний раз был арестован 6 ноября 1949 г., освобожден 11 мая 1956 г.

² См.: [Герштейн, 1976]. Позднее этот очерк был перепечатан: [Герштейн, 1977; 1989]. См. также: [Герштейн, 1998, с. 316–386]. Герштейн Эмма Григорьевна (1903–2002) – литературовед, специалист по М. Ю. Лермонтову и А. С. Пушкину, автор воспоминаний об Ахматовой, Л. Н. Гумилеве, О. Э. Мандельштаме и др., автор ряда литературоведческих работ об Ахматовой. Герштейн познакомилась с Ахматовой в 1934 г., принадлежала к числу ее пожизненных друзей.

рию хлопот, началом которых, видимо, следует считать поход Ахматовой в Ленинграде к городскому прокурору (ноябрь – декабрь 1949 г.). Среди первых шагов по спасению сына также – создание в 1949–1950 гг. цикла стихов «Слава миру»³ и письмо Сталину от 24 апреля 1950 г., к нему не попавшее (поступило в Особый сектор ЦК ВКП(б) и было переслано прокурору Ленинградской области)⁴. «Объяснения» же – это концентрированный рассказ-комментарий к названным ходатайствам (1954–1956), содержащий некоторые неизвестные подробности, поэтому этот текст, как и ходатайства, приводится здесь полностью⁵. При этом он – ради удобства восприятия – разбит мной на последовательно данные фрагменты.

«Объяснения»⁶, часть 1:

В конце 1954 г. академик В. В. Струве⁷ по собственной инициативе написал ходатайство о пересмотре дела Л. Н. Гумилева и предоставил его в распоряжение

³ Стихи были опубликованы в 1950 г. в «Огоньке» (в № 14, 36, 42) А. А. Сурковым, занимавшим тогда пост ответственного редактора этого журнала.

⁴ Впервые: [Москва. Кремль..., 1993, с. 51]. Это третье письмо Ахматовой вождо. Первое было написано после ареста Н. Н. Пунина и Л. Н. Гумилева 1 ноября 1935 г., второе – только о сыне – 6 апреля 1939 г.

⁵ Орфография и пунктуация всех публикуемых документов приближены к сегодняшним нормам, стилистические особенности сохранены.

⁶ РГБ. Ф. 641. Картон 3. Ед. хр. 40. Машинопись с авторской правкой. 6 л.

⁷ Струве Василий Васильевич (1889–1965) – выдающийся египтолог и ассириолог, заложивший основы отечественной марксистской школы изучения истории, языка и культуры Древнего Востока, его наработками пользовался И. В. Сталин [Беляков, 2013, с. 76]. С 1935 г. – академик АН СССР. «Историю Древнего Востока читал Василий Васильевич Струве – высокий, крупный, чрезмерно полный человек с рыжими усиками <...> Струве до революции получил основательное образование, стажировался в Берлине. Воспитанный в дворянской семье, он попытался приспособиться к новым условиям, и не без успеха. В начале тридцатых Струве сделал блестящую карьеру. <...> По свидетельствам слушателей, читал он скучно, запинаясь, усыпая речь бесчисленными словами-паразитами <...> Зато был человеком добрым, внимательным к студентам и, несмотря на карьеризм, не подлым. Когда арестуют профессора Ковалева, заведующего кафедрой истории Древнего мира, и всех преподавателей заставят “отмежеваться” от “вредителя” и “врага народа”, Струве публично откажется это сделать» [Жервэ, Козырева, 2012]. Когда Василия Васильевича спрашивали, не родственник ли он известному парижскому эмигранту, «легальному марксисту» Петру Бернгардовичу Струве, назвавшему Ленина «думающей гильотиной», он отвечал испуганно: «Что вы, что вы, голубчик, даже не однофамилец!» [Беляков, 2013, с. 87]. Таким образом он отчасти сообщал правду: от рождения его имя было Вильгельм Фридрихович Мейснер, по неизвестной причине он был усыновлен математиком Василием Бернгардовичем Струве. «Надо сказать, что ни у кого не возникало сомнений во внешнем сходстве Струве с родоначальником фамилии» – астрономом Василием Яковлевичем Струве [Емельянов, 2009].

Ахматова была знакома со Струве с давних лет. 3 августа 1926 г. она писала из Ленинграда в Москву своему бывшему мужу, ассириологу В. К. Шилейко: «Струве занес тебе книгу...» [Переписка А. А. Ахматовой..., 2005, с. 227]. 6 апреля 1939 г., во время предыдущего заключения сына, Ахматова в письме Сталину ссылалась на имена двух ученых: «Мой сын даровитый историк. Акад. Струве и проф. Артамонов могут засвидетельствовать, что его научная работа, принятая к печати, заслуживает внимания» [Головникова,

Анны Андреевны, чтобы она адресовала его, кому найдет нужным. В декабре, на Съезде писателей, где Ахматова была делегатом⁸, она обратилась по этому поводу к И. Г. Эренбургу⁹. Илья Григорьевич написал на депутатском бланке письмо Н. С. Хрущеву с просьбой об Ахматовой – матери Л. Н. и приложил к своему письму ходатайство Струве (первое).

Первое ходатайство В. В. Струве¹⁰:

В настоящее время, наряду с упорной «холодной войной» против СССР и стран народной демократии, ведется не менее ожесточенная, только более скрытая и тонкая идеологическая война. История Запада и Востока всех эпох является, естественно, областью, в которой, кроме прямого нападения на позиции исторического материализма, проводится наиболее последовательно, широко и тщательно пропаганда идеалистического миропонимания и борьба с прогрессивными

Тархова, 2001, с. 152]. Известно, что весной 1946 г. Струве побывал в гостях у Ахматовой и ее сына [Беляков, 2013, с. 202]. 27 марта 1955 г. Ахматова писала сыну: «Содержание ходатайства академика В. В. Струве я сообщала тебе в нескольких открытках...»; в том же письме – строки, свидетельствующие о встрече или телефонном разговоре: «Академик В. В. Струве сказал мне, что, по его мнению, ты мог бы быть очень полезен советами в моих азиатских переводах» [Переписка А. А. Ахматовой..., 1994, с. 180, 181]. В письме сыну от 6 апреля 1956 г. есть фраза, указывающая на дружеский характер общения Ахматовой и Струве: «У Василия Васильевича было воспаление легких с ослаблением сердечной деятельности, но, по-видимому, все обошлось благополучно» [Там же, с. 183].

⁸ Речь идет о Всесоюзном съезде советских писателей, проходившем в Москве 15–26 декабря 1954 г. Участие в нем Ахматовой означало некоторое улучшение ее положения. В 1965 г. она записала в дневнике: «Была чл<еном> II-ого съезда писателей (1954) в Москве (с решающим голосом, есть фото). Жила в гост<инице> “Москва”» [Записные книжки..., 1996, с. 665]. «Лев Николаевич и его друзья-солагерники вообразили, что Ахматова крикнет там во всеулышание: “Спасите! У меня невинно осужденный сын!” Лев Николаевич не хотел понимать, что малейший ложный шаг Ахматовой немедленно отразился бы пагубно на его же судьбе. Вместо этого наивного проекта Анна Андреевна переговорила на съезде с Эренбургом» [Герштейн, 1989, с. 59]. «Но Лев уже никогда не мог освободиться от ложного убеждения, что на съезде его мать упустила единственную возможность просить за сына» [Герштейн, 1998, с. 325].

⁹ Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – прозаик, поэт, литературный критик, публицист, военный корреспондент, общественный деятель. Лауреат Сталинских премий. С 1950 г. – депутат Верховного Совета СССР. В 1954 г. вышла его повесть «Оттепель», давшая название послесталинскому периоду советской истории («хрущевская оттепель»). Символом периода оттепели стали также мемуары Эренбурга «Люди, годы, жизнь». Заочное знакомство Ахматовой и Эренбурга относится к началу 1910-х гг., очное – к 1924 г. «Их личное знакомство продолжалось более четырех десятилетий. Его нельзя назвать дружбой, но <...> Эренбург пронес восхищение человеческим образом А. А. Ахматовой и любовь к ее первым книгам и стихам 1940 года. Его преданность искусству и неизменно доброе отношение к Ахматовой всегда оставались для нее несомненными» [Фрезинский, 2002, с. 243–244]. Ахматова неоднократно обращалась к Эренбургу с просьбами о помощи разным людям. Подробно об Ахматовой и Эренбурге см. в указ. работе Б. Я. Фрезинского, а также в примеч. 22, 23 к воспоминаниям В. С. Муравьева: [Муравьев, 2001, с. 184–186].

¹⁰ РГБ. Ф. 641. Кар. 3. Ед. хр. 9. Прилож. 1. Машинописная копия. Л. 6.

идеями подлинной демократии и истинного социализма, прикрываясь авторитетом корифеев буржуазной науки.

В этой напряженной обстановке перед нами, советскими историками, стоит особенно ответственная задача большого политического значения – сплотиться в сильный отряд достаточно одаренных и тщательно подготовленных специалистов по всем разделам исторической науки, который мог бы с успехом противустоять¹¹ широкому наступлению на этом фронте.

В связи с этим я позволяю себе обратиться к Партии и Правительству с просьбой о пересмотре дела очень ценного специалиста, кандидата исторических наук Льва Николаевича Гумилева (род. в 1912 г.), репрессированного в 1950 г. и осужденного на 10 лет.

Я знаю Гумилева с его студенческих лет¹², следил за прохождением им аспирантуры, подготовкой им кандидатской диссертации и дальнейшей работой в Институте востоковедения Академии наук СССР, во главе которого я тогда находился¹³. Я могу смело сказать, что надежды, которые подавал этот молодой ученый своими дарованиями, обещая статью выдающимся историком стран Советского Востока, он вполне оправдал защитой своей диссертации.

И, что не менее важно, я могу без колебаний заверить, что Гумилев был по существу честным советским человеком, всецело преданным интересам Родины. По моему глубокому убеждению, осуждение его основано было на каком-то печальном недоразумении.

Удаление Гумилева из рядов советских историков является, по моему мнению, существенной потерей для советской исторической науки (особенно после смерти члена-корреспондента Академии наук, профессора А. Я. Якубовского¹⁴), которую

¹¹ Так!

¹² В 1934 г. Гумилев слушал курс Струве по истории Древнего Востока на историческом факультете Ленинградского университета. В тот период и впоследствии он не раз посещал ученого на дому [Беляков, 2013, с. 76, 94, 275]. Т. А. Шумовский о знакомстве с Гумилевым в 1934 г. у Струве: «...Василий Васильевич нам на дому читал лекции по своей специальности, т. е. по Древнему Востоку» [Вспоминая Л. Н. Гумилева..., 2003, с. 87].

¹³ Директором Института востоковедения АН СССР (ИВАН) Струве был в 1941–1950 гг. Гумилев поступил в аспирантуру ИВАН весной 1946 г., к концу 1947 г. подготовил кандидатскую диссертацию «Политическая история первого Тюркского каганата» и получил на нее положительные отзывы М. И. Артамонова и А. Ю. Якубовского, но тогда же был отчислен: «Постановление о журналах “Звезда” и “Ленинград” сделало Гумилева практически беззащитным, но объяснить отчисление только гонениями на его мать нельзя»; его языковая подготовка была недостаточной для той области науки, в которой он работал; «Впрочем, скорее всего отчислили Гумилева не только за незнание китайского и слабое знание тюркского», Гумилев был дерзок и нажил себе в институте врагов среди влиятельных ученых и начальства; «Отчисление было ударом страшным. Гумилев тщетно пытался восстановиться, но письмо к директору Института академику Струве не помогло. Вероятно, Василий Васильевич не захотел ссориться из-за Гумилева со своим заместителем Боровковым» [Беляков, 2013, с. 203–209]. Гумилеву удалось защитить диссертацию в 1948 г. в университете.

¹⁴ Якубовский Александр Юрьевич (1886–1953) – историк-востоковед, археолог. «Своим наставником Гумилев называл и Александра Юрьевича Якубовского, исследователя Средней Азии, Персии и арабских стран. <...> Его самым известным курсом была

в данное время нечем восполнить. Это тем более ощутительно, что Академия наук приступила к изданию монументальной «Всеобщей истории»¹⁵, которая потребует от составителей глубоких знаний и большой зрелости мысли, чтобы дать надлежащий отпор подобным изданиям на Западе, в частности, американскому (в 10 томах) и швейцарскому (фактически – немецко-американскому), которые подтачивают исторические данные и извращают их истинное понимание.

К тому же состояние здоровья Гумилева внушает серьезные опасения, так как он страдает болезнью сердца, требующей лечения и ухода¹⁶.

Академик /В. В. Струве/

« » декабря 1954 г.
Лгр. Ул. Халтурина, 27, кв. 49¹⁷.

«Объяснения», ч. 1:

Ответа не последовало¹⁸.

“История Халифата”, одной из лучших научных работ – статья “Арабские и персидские источники об уйгурском турфанском княжестве в IX–X веках”. Много лет спустя Гумилев будет охотно использовать историю арабов и Халифата для доказательства своей пассионарной теории этногенеза. О пророке Мухаммеде и борьбе религиозных партий Гумилев будет рассказывать уже в собственном курсе лекций, а Турфан и уйгуры станут одним из самых любимых сюжетов его степной трилогии» [Жервэ, Козырева, 2012]. Из лагеря, где Гумилев находил силы для научной работы, он писал подруге: «...хунны, уйгуры, каракипчаки из контуров и теней постепенно превращаются в фигуры <...> вывожу их из небытия <...> Помнишь, что сказал Юрьич на защите: “Из кучи хлама сделана связная история за сто лет”» [«И зачем...», 2005, с. 111]. Юрьич, по предположению авторов (с. 112), – Якубовский).

¹⁵ Имеется в виду работа над изд.: [Всемирная история, 1955–1965]. Струве входил в главную редакцию этого издания, был автором ряда разделов в т. I (1955) и II (1956).

¹⁶ «1 октября 1952 года, в день своего сорокалетия, Гумилев впервые попал в больницу из-за сердечно-сосудистой недостаточности. В ноябре его признали инвалидом. Еще два года спустя, в ноябре 1954-го, у Гумилева открылась язва двенадцатиперстной кишки <...> В годы своего второго лагерного срока, по моим подсчетам, его госпитализировали девять раз, не меньше. <...> Дважды Гумилева клали на операцию...» [Беляков, 2013, с. 245]. Из письма Гумилева матери от 9 июня 1955 г. – в ответ на пересказ ею ходатайства Струве: «Я очень понимаю Вас<илия> Вас<ильевича>, который хочет получить работоспособного сотрудника...» [Л. Н. Гумилев – А. А. Ахматовой..., 2011, с. 143]. Отклик небрежный, но масштаб Струве как ученого Гумилев осознавал: «В письме к Анне Андреевне от 3 апреля 1955 г., говоря о кадрах Института востоковедения, он признавал, что “сильнее меня... В. В. Струве и Петрушевский. Этих мне не догнать!”» [Гумилев, 2003, с. 204]. Имеется в виду историк-востоковед Илья Павлович Петрушевский (1898–1977).

¹⁷ Эта строка написана карандашом, возможно, рукой Струве. Подпись отсутствует, в дате отсутствует число.

¹⁸ «Перед самым новым, 1955 годом я проводила Анну Андреевну к Эренбургу на его московскую квартиру. После новогодних праздников он сообщил ей, что выполнил свое обещание, причем написал письмо на бланке депутата Верховного Совета СССР и направил его вместе с ходатайством Струве лично Н. С. Хрущеву. / Прошел январь, февраль, март – ответа не было. / Молчание Хрущева Эренбург принял как знак немилости к себе. Анне Андреевне говорить с Ильей Григорьевичем на эту тему было невозможно» [Гер-

Уже в апреле 1955 г. мы (см. доверительное письмо Ахматовой ко мне 19.IV.55 г.)¹⁹ обратились в Военную прокуратуру – нет ли здесь этого дела, и через месяц получили ответ: «Да. Жалоба поступила». Мы до сих пор не знаем, что именно поступило в Прокуратуру, но мне был тогда указан номер дела Гумилева²⁰, и с тех пор до мая 1956 г., когда Гумилев был освобожден и реабилитирован, я наводила там справки, приносила дополнительные документы и т. п.

Доверительное письмо А. А. Ахматовой к Э. Г. Герштейн²¹:

Милая Эмма Григорьевна,
ввиду моей болезни прошу
Вас навести справки
по делу моего сына
Гумилева Льва Николаевича.
Анна Ахматова

14 апреля
1955

«Объяснения», части 1–2:

Весной 1955 г. Анна Андреевна решила обратиться к М. А. Шолохову²². Она мне сказала, что до войны он сам присылал к ней человека, передал, что «хочет

штейн, 1989, с. 59]. Подробнее про общение Ахматовой и Эренбурга на съезде и хлопоты за Гумилева см.: [Фрезинский, 2002, с. 265–267].

¹⁹ Это письмо датировано не 19-м, а 14-м апреля.

²⁰ Примеч. Герштейн внизу первого листа: «Как ни странно, но и жалоба поступила тоже 19.IV (см. сложенную бумажку, на к<оторо>й я записала № дела и дату)».

²¹ Автограф Ахматовой, синие чернила. РГБ. Ф. 641. Кар. 3. Ед. хр. 6. Л. 16.

²² С Михаилом Александровичем Шолоховым (1905–1984), к описываемому времени депутатом Верховного Совета СССР (с 1937), действительным членом АН СССР (с 1939), лауреатом Сталинской премии (1941), Ахматова, судя по скудным сведениям, была знакома не близко. К каждому, кто пытался помочь ей освободить сына, Ахматова относилась с глубокой благодарностью, но указание Г. В. Глэкиным Шолохова в числе ее друзей является несомненным преувеличением: «Среди своих друзей Анна Андр. числит Мих. Шолохова, который помогал ей во время ареста Льва Николаевича и вообще относится к ней с неожиданной для казака нежностью...» ([Глэкин, 2015, с. 62]. Запись от 24 июня 1959 г.). Шолохова скорее можно назвать доброжелателем Ахматовой, ценителем ее творчества. «По воспоминаниям С. М. Шолоховой (дочери писателя. – О. Р.), в довоенной библиотеке М. А. Шолохова была книга стихов Ахматовой с автографом автора. В те годы Михаил Александрович говорил, что у нее “хватка настоящего поэта, а не поэтессы, которая плетет кружева”» [Михаил Шолохов..., 2005, с. 170]. Размышления Р. Д. Тименчика при чтении данного комментария: «Да, это преувеличение, но, может быть, автор его и Ахматова, вполне могшая – одноразово! – сказать Глэкину: C'est мой друг». Из черновика автобиографической прозы «Ахматова и борьба с ней» – о сборнике «Из шести книг» (Л.: Сов. писатель, 1940): «На судьбу этой книги повлияло следующее обстоятельство: Шолохов выставил ее на Стал<инскую> премию (1940). Его поддержали А. Н. Толстой и Немирович-Данченко. Премию должен был получить Н. Асеев за поэму “Маяковский начинается”. Пошли доносы и все, что полагается в этих случаях: “Из шести книг” была запрещена и выброшена из книжных лавок и библиотек» [Хейт, 1991, с. 241].

хлопотать за Левушку». – «Ну и что же?» – «Скоро началась война, и было уже ни до чего».

Еще раньше, в 1939 г. у меня был разговор с Анной Андреевной о Шолохове. Я спросила у нее, почему «Тихо льется тихий Дон» в стихотворении, посвященном Льву («Тихо льется тихий Дон, Желтый месяц входит в дом»).

– Не знаю, – отвечала задумчиво Анна Андреевна, – вероятно, потому, что Левушка был в экспедиции (археологической) на Дону. А может быть, потому, что он так любил «Тихий Дон» Шолохова. А Вы не знали?.. Это была его любимая книга²³.

24 января 1956 г. Чуковская записала: «Анна Андреевна <...> Очень интересуется, справедливы ли слухи, будто Сурков на пленуме молодых сказал в заключительном слове о выступлении Шолохова: “это было паясничество”. / Никто из нас ничего про это не знал» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 178]. Имеется в виду выступление Шолохова 11 января на Третьем Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве (опубл.: Литературная газета. 1956. № 5, 12 янв.). Запись Чуковской от 22 февраля 1963 г.: «Эмма Григорьевна сообщила, что, по слухам, Шолохов собирается громить “Матрен двор”»; Ахматова, высоко ценившая прозу Солженицына, воскликнула: «Отлично! Этим он окончательно прикончит себя!» [Чуковская, 1997, т. 3, с. 35–36]. О том, почему речь Шолохова против Солженицына не была произнесена, см.: [Там же, с. 346–348]. Об отношениях Шолохова и Солженицына, «которые не заладились с первого же знакомства», см., например, статью А. В. Воронцова «Солженицын Александр Исаевич» в изд.: [Шолоховская энциклопедия, 2012, с. 787–789]. По поводу авторства «Тихого Дона» Ахматова, судя по свидетельству З. Б. Томашевской, была солидарна с ее родителями – И. Н. Медведевой (Томашевской) и Б. В. Томашевским: «Круг друзей был не велик. Тынянов, Ахматова, Винокур, Лозинский, Гуковский, Лидия Гинзбург, математик Янчевский – страстный любитель и знаток литературы. Все сходилось в одном – авторов “Тихого Дона” было два. Один писал, другой перекраивал, приспособлявал. Имена авторов их не интересовали вовсе. Что касается Бориса Кристовича, то его больше всего интересовала возможность отсложения текстов» [Медведева, 1993, с. 122]; И. Н. Медведева ставила перед собой именно задачу выявления подлинного первоначального текста. А. Г. Найман вспоминает высказывание Ахматовой: «...вообще, у настоящего прозаика – адская кухня. Они успевают написать за свою жизнь в пять раз больше того, что потом входит в полное собрание сочинений. Поэтому я не верю, что можно написать большой роман и после ничего, как Шолохов» [Найман, 1989, с. 218].

В марте 1965 г., на Втором съезде писателей РСФСР, Шолохов и Ахматова сидели на сцене в президиуме за одним столом. В это время Шолохов был конкурентом Ахматовой в соискании Нобелевской премии по литературе. В какой-то момент рассматривалось предложение разделить премию между ними [Тименчик, 2015, т. 2, с. 366], но в итоге 15 октября 1965 г. Нобелевская премия была присуждена Шолохову. Запись Глэкина от 18 октября 1965 г.: «Только что мы начали злословить по адресу нового нобелевского лауреата – Вик. Еф. Ардов торжественно объявил: “Анна Андр., к вам товарищ Сурков пожаловали!”» [Глэкин, 2015, с. 248]. 19 декабря 1965 г. Чуковская зафиксировала слова лежавшей с инфарктом Ахматовой: «В газете “Monde” <...> напечатана моя биография. <...> кончается словами, что *этот человек* – вы понимаете, кого я имею в виду? – должен догадываться: премию нынешнего года следовало присудить автору “Реквиема”. Ему же дана только из боязни: если дать Ахматовой, не повторится ли история с Живаго?» [Чуковская, 1997, т. 3, с. 307]; подстрочное примеч.: «А. А. имела в виду Шолохова»).

²³ См.: [Ларионова, 2020].

Но как найти Шолохова? Он живет в станице²⁴, в Москву приезжает только на съезды Верховного Совета. Мы внимательно следили за газетами. Время уходило.

Решила Анна Андреевна послать меня в Вешенскую. В. Е. Ардов²⁵, прослышав об этом, отнесся к такому плану очень кисло. Вероятно, он был прав: вряд ли, как показало дальнейшее, мне удалось бы повидать М. А., а если б и удалось, нет уверенности, что он принял бы меня благосклонно. Кажется, Ардов, а может, кто-нибудь другой, при содействии Лежнева²⁶, узнал московский телефон Шолохова (см. записку, где рукой Ахматовой написано «Шолохов»), и мы стали его ловить. Моя поездка не состоялась. «Как смешно, что это платье Вы сшили себе, чтобы поехать в Вешенскую», – усмехалась частенько Анна Андреевна, видя на мне впоследствии голубое в розовых цветочках штапельное платье. Но памятником этого неосуществленного проекта остался черновой авторизованный вариант (машинопись) письма Ахматовой к Шолохову, которое сочиняла и печатала на машинке я, а Анна Андреевна правила карандашом. (Почему обрезаны первые строки – выяснится в дальнейшем.)

Первое письмо А. А. Ахматовой М. А. Шолохову
(из Москвы в Вешенскую, май – июнь 1955 г.)²⁷:

Дорогой Михаил Александрович!

Тяжелая болезнь сердца мешает мне приехать к вам, чтобы просить Вашей помощи в моем великом горе²⁸.

²⁴ Шолохов жил на своей малой родине, в Вёшенской – станице в Ростовской области (Ростов-на-Дону). Станица – административная казачья сельская единица, состоит из одного крупного или нескольких небольших казачьих поселений.

²⁵ Ардов (Зигберман) Виктор Ефимович (1900–1976) – писатель-сатирик, второй муж близкой подруги Ахматовой, актрисы Н. А. Ольшевской. Автор воспоминаний об Ахматовой [Ардов В., 1983]. Знакомство Ахматовой с Ардовыми произошло в 1934 г. В 1950-е – 1960-е гг., подолгу находясь в Москве, Ахматова чаще всего жила у Ардовых на Большой Ордынке, 17. Виктор Ефимович не раз брал на себя заботы о делах Ахматовой.

²⁶ Лежнёв Исая Григорьевич (Альтшуллер Исаак, 1891–1955) – издатель, публицист, литературовед. Автор нескольких книг о Шолохове. Был знаком с Ахматовой не позднее чем со времени эвакуации обоих в Ташкент, где состоял вторым секретарем президиума Союза писателей Узбекистана. Входил в редсовет ташкентского отделения издательства «Советский писатель», в котором в 1943 г. вышел сборник Ахматовой «Избранное» [Чуковская, 1997, т. 1, с. 460, 507–508 и др.]. Автор отзыва на рукопись этого сборника: признавал высокие художественные достоинства стихов Ахматовой, но обвинял ее в «романтизации прошлого», в настроениях «депрессивности и глубокого пессимизма», предлагал «перепланировать сборник», осуществить «новый подбор стихов». В рукопись были внесены изменения [Тименчик, 2012, с. 430–436].

²⁷ РГБ. Ф. 641. Кар. 3. Ед. хр. 9. Л. 1–3. Черновик письма: машинопись с обильной ахматовской карандашной правкой.

²⁸ Первоначально было «в большом несчастье»; «в великом горе» написано рукой Ахматовой. Первые две фразы письма (обращение и фраза о великом горе) аккуратно оторваны от остального письма и приложены к нему. О причинах этого см. далее в «Объяснениях».

Мой сын, Лев Николаевич Гумилев, вот уже шестой год отбывает в т о р ч н о срок наказания в исправительно-трудовом лагере. Сейчас Главная военная прокуратура проверяет его дело, но здоровье его расшатано, я больна, и боюсь, что нам не дождаться конца расследования.

Судьба моего сына тяжка. С детских лет он одержим страстью к древней истории, но мало времени имел, чтобы заниматься ею. Почти 11 лет он находится в лагере, полтора года был на поселении, воевал на фронтах Великой Отечественной войны. В промежутках между тюрьмой и ссылкой²⁹ он успел окончить Ленинградский университет, защитить кандидатскую диссертацию, написать несколько работ по востоковедению, среди них большую книгу³⁰. Крупнейшие советские историки (Струве, Якубовский, Панкратов³¹, Кюннер³², Артамонов) при-

²⁹ «Ссылка» здесь синоним «лагеря». В СССР слово «ссылка» нередко использовалось в таком значении. Ср. дневниковую запись Шапориной от 11 июня 1948 г. о погибших в лагерях: «Наталья Васильевна <Крандиевская> дала мне переписать стихи Мандельштама и <...> <Владимира> Свешникова, умерших в ссылке» [Шапориная, 2012, т. 2, с. 96].

³⁰ Опубликованы к тому времени были только тезисы диссертации [Гумилев, 1948] и одна статья, подготовленная на основе университетской дипломной работы [Гумилев, 1949, с. 232–253]. В октябре 1955 г. Герштейн получила из лагеря посылку с прочитанными Гумилевым книгами, среди которых было спрятано 30 тетрадей рукописи «Древняя история Срединной Азии». Из позднего интервью с Гумилевым: «В лагере я начал писать книгу о тюрках, которая впоследствии стала моей докторской диссертацией. Здесь же была завершена монография “Хунну”, изданная в 1960 году в Москве» [«...Иначе поэта нет», 1989, с. 131].

³¹ Панкратов Борис Иванович (1892–1979) – синолог, монголовед, тибетолог, маньчжуровед. Перевел первый из известных литературных и исторических памятников монголов «Секретная история монголов» (XIII в.). «...Он пользовался всемирным признанием и авторитетом среди китаистов, монголистов, тибетологов и маньчжуристов...» [Кроль, 1989, с. 84]. «...Ученый редкой одаренности и эрудиции, был звездой первой величины в востоковедной науке. Тем не менее напечатал он довольно мало. <...> / Однако сделал Борис Иванович гораздо больше не только того, что напечатал, но и того, что написал. Он десятилетиями стоял позади работы большой группы исследователей Дальнего Востока и Центральной Азии, он консультировал и редактировал их труды, помогал выбирать темы, готовил их кадры, в тяжкую пору безвременья поддерживал науку на достойном уровне, являл нравственный образец ученого, для которого его дело, его наука превыше личной славы и пользы, а бескорыстная помощь товарищу – это нравственный долг. Он был цзюнь-цзы, “благородным мужем”» [Кроль, 1998, с. 35]. В 1948 г. Ученый совет Института востоковедения присудил «столь исключительному знатоку, как Б. И. Панкратов, в столь исключительном порядке ученую степень кандидата филологических наук без защиты диссертации» <...>, но ВАК отказался утвердить это решение» [Там же, с. 26]. Однако «В. В. Струве убежденно считал его академиком» [Кроль, 1989, с. 90].

«Среди ленинградских востоковедов широко известна его дружба с А. И. Гитовичем, его встречи с А. А. Ахматовой» [Там же]. Время знакомства Ахматовой с Панкратовым выяснить не удалось, но на момент написания ею письма Шолохову это знакомство уже состоялось. Ср. дневниковую запись К. И. Чуковского от 8 марта 1954 г.: «Ахматова принесла свои переводы с китайского, читала поэму 2000-летней давности – переведенную пушкинским прозрачным светлым стихом – благородно простым – и как повезло китайцам, что она взялась их перевести. До сих пор не было ни одного хорошего перевода с китайского. “Мой редактор в Л[енингра]де такой-то (я забыл фамилию) очень большой китаист. Два года был ламой в Тибете, и никто не знал, что он был наш советский шпион”» [Чуковский, 1994, с. 212, 494]. Источником легенды о ламе (да, по-видимому, и о шпионе)

был друг Ахматовой, ее сосед по даче в Комарове Александр Гитович, ср.: «Поэт А. И. Гитович, переводивший китайскую поэзию и подружившийся с Борисом Ивановичем, уверял, что Панкратов бродил по Северному Тибету под видом бурятского ламы, настолько хорошо он говорил по-монгольски и по-тибетски <...> / ...Ю. Л. Кроль, близкий с Б. И. Панкратовым в последние десятилетия его жизни, утверждает, что, по словам самого Панкратова, он в Тибете никогда не был...» [Рифтин, 2022]. О том, что Панкратов был «советским шпионом», достоверной информации не обнаружено, но о многолетнем пребывании его в Китае и о «приключенческих» чертах его биографии см. [Кроль, 1998]. Поэма «2000-летней давности» – произведение китайского поэта Цюй Юаня «Лисао» («Скорбь»). Ахматовский перевод опублик. в изд.: [Цюй Юань, 1954] (переизд. 1956 г.). Автором подстрочника и официальным редактором книги был синолог Н. Т. Федоренко, а Панкратов, видимо, принимал участие в работе как консультант. Ср.: «В связи с ростом интереса русского читателя к культуре Дальнего Востока во второй половине 50-х гг. Борис Иванович принял большое участие в просмотре, редактировании и рецензировании переводов китайской и монгольской художественной литературы для восточной редакции Гослитиздата <...>. Ленинградские поэты А. А. Ахматова и А. И. Гитович были благодарны ему за эту деятельность. Им интересен был человек таких знаний о Востоке и такой необыкновенной судьбы...» [Кроль, 1998, с. 30]. Еще одно ахматовское высказывание о Панкратове зафиксировано А. Г. Найманом: «Во времена газетных статей о фанатической преданности китайцев Мао Цзэдуна она сказала: “Китайцы предаются какой-то одной идее на десять тысяч лет. Я знаю – мне самый главный китаист объяснял. Десять тысяч лет они верят Конфуцию, потом – как рукой снимает, появляется что-нибудь новое – и опять на десять тысяч лет» [Найман, 1989, с. 208]. О том, что «самый главный китаист» здесь, очевидно, Панкратов: [Кроль, 1998, с. 30]; существуют «его переводы речей Мао Цзэдуна (1,5 а. л.), выполненные в 1949 г. с первого китайского издания по распоряжению дирекции ИВ АН для “Собрания сочинений Мао Цзэдуна” (М., издательство ИЛ, 1949) <...> (установить, публиковались ли эти переводы, и если да, то где, не удалось)» [Там же].

³² Кюннер Николай Васильевич (1877–1955) – специалист по странам Дальнего Востока, доктор исторических наук. «...Н. В. Кюннер был энциклопедистом в самом лучшем понимании: историографом, библиографом, исследователем широкого круга дальневосточного ареала. Его печатное и рукописное наследие столь обширно, что на многие годы послужит необходимым подспорьем в научных разработках специалистам по самым различным проблемам Китая, Кореи и Японии. Им оставлено свыше 300 работ, 100 рецензий, аннотированные библиографические картотеки <...> / ...многочисленные переводы с восточных языков, материалы курсов, читанных аспирантам и студентам <...> / ...переиздание труда Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1950–1953) <...> / ...огромный труд, проделанный Н. В. Кюннером по переизданию «Собрания сведений» Н. Я. Бичурина (Иакинфа), вышедшего 100 лет назад и ставшего библиографической редкостью, является его большой заслугой. Выполнение подобного рода исследований было по плечу только ученому такого масштаба, как Николай Васильевич Кюннер. <...> Кюннер положил начало первым в нашей стране систематическим курсам по истории, географии, этнографии и культуре стран Дальнего Востока. <...> / За время своей 53-летней преподавательской деятельности проф. Кюннер прочитал свыше 50 курсов по Японии, Корее, Китаю, Маньчжурии, Индии, Синьцзяну, Монголии, по историографии, этнографии и географии Дальнего Востока. <...> / И никогда не оскудевала сокровищница знаний Николая Васильевича Кюннера. Это всегда поражало. Чувства научной добросовестности, целеустремленности, трудолюбия и скромности он прививал ученикам своим подвижническим служением избранной стезе. <...> Николай Васильевич Кюннер был добрейшей души человек. Его безотказность часто использовалась без стеснения. <...> Человек редчайшей скромности, Н. В. Кюннер не пользовался громкой славой, избегал публичных

знали его научные заслуги, засвидетельствовали в рецензиях, что Гумилев – настоящий ученый, зрелой мысли, творчески работающий, открывающий новые пути в науке³³. Темы его изысканий актуальны, так как касаются истории древнего Китая³⁴.

церемоний своего признания, вел себя тихо и незаметно, никогда не выпячивал свои достижения ни в науке, ни в педагогике» [Зенина, 1997, с. 8–19].

О личном знакомстве Ахматовой с Кюннером сведений не найдено, но, судя по упоминаниям о Кюнере в ахматовских письмах, вероятно, они были знакомы. Еще в письме К. Е. Ворошилову от 8 февраля 1954 г., ходатайствуя за сына, Ахматова писала: «О том, какую ценность для советской исторической науки представляет его научная деятельность, можно справиться у его учителей – директора Государственного Эрмитажа М. И. Артамонова и профессора Н. В. Кюнера» [Ахматова, 1994, с. 22].

³³ «Был еще один вид помощи коллегам, который без конца оказывал им Борис Иванович <Панкратов>, – писание рецензий на их работы. <...> Отзывы и рецензии чаще всего писались для издательств и журналов, для “внутреннего” употребления и не публиковались» [Кроль, 1998, с. 33–34]. Возможно, Панкратовым была написана рецензия на какую-то из работ Гумилева, но вероятнее всего, что в данном случае идет речь не о рецензии, а об устной оценке способностей Гумилева, высказанной ученым непосредственно Ахматовой. Впоследствии же Панкратов не раз критиковал труды Гумилева: в 1961 г. – «Хунну», в 1976 г. – книгу «Старобурятская живопись» [Беляков, 2013, с. 329–334, 494–496]. Работая над вступительной статьей для «Старобурятской живописи», Гумилев консультировался с Панкратовым, но написанный текст и комментарий к иллюстрациям ему не показывал. Панкратов «великолепно знал буддийскую иконографию, читал курс ее в Институте китайско-индийских исследований в Пекине (где работал с 1929 по 1935 г.). Ленинградским востоковедам памятно последнее публичное выступление Бориса Ивановича (1976 г.) в конференц-зале Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР “О книге Л. Н. Гумилева “Старобурятская живопись (буддийская иконография)”»; тогда учитель дал не только блестящую критику ошибок, которыми изобилует эта книга, но также по-новому определил и описал ряд буддийских икон из Собрания института этнографии» [Кроль, 1989, с. 89]. См.: [Панкратов, 1998]. См. также запись обсуждения книги востоковедами, сделанную свидетельницей события И. Ломакиной: [Обсуждение..., 1976].

«Факультативный курс истории Китая читал Николай Васильевич Кюннер, востоковед дореволюционной школы. Кюннер <...> стажировался в Японии, Китае, Корее, знал шестнадцать языков, включая тибетский, корейский, монгольский, китайский, японский, санскрит. <...> Он стал профессором ЛГУ в 1925 году. С 1932 года основным местом работы Кюннера был Институт этнографии Академии наук, но он продолжал читать в ЛГУ несколько курсов, в основном факультативных. Кюннер был хорошим лектором, вел семинары, к тому же он охотно помогал студентам, заинтересовавшимся каким-либо из его многочисленных курсов, раздавал им свои переводы. Более всего в Кюнере Гумилева должен был привлечь интерес к географии и этнографии Центральной и Восточной Азии. Большая часть его курсов была так или иначе связана именно с этими науками. Гумилев называл Кюннера своим наставником и учителем» [Жервэ, Козырева, 2012]. «...В 1937-м Гумилев познакомился с Николаем Васильевичем Кюннером, который заведовал тогда отделом этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии в Институте этнографии АН СССР. Кюннер даже привлек Гумилева в работу в своем отделе <...> В 1945 году Гумилев будет писать Кюннеру из Германии: “С ИВАНом и И[нститутом] Э[тнографии] связаны самые счастливые минуты моей жизни”. <...> / Узнав из газет, что его учитель <...> награжден орденом, Гумилев поздравил его, рассказал о своей судьбе и попросил для себя место в институте: “<...> Трагические обстоятельства 1938 года, оторвавшие меня от науки, не убили во мне способности к научной мысли. <...> Меня поддерживала надежда вернуться к науке. Только благодаря ей я нашел в себе силу выжить. <...> Я просил бы Вас, Николай

Но вместо того чтобы быть полезным Родине в области, в которой он силен и к чему он страстно рвется, он сейчас занимается физическим трудом в лагере, растрчивая последние силы³⁵.

Васильевич, написать мне, смогу ли я надеяться снова работать под Вашим руководством. Это то счастье, о котором я 7 лет мечтал наяву и которое постоянно видел во сне» [Беляков, 2013, с. 111, 189]. Работу под руководством Кюнера в Музее этнографии (при Институте этнографии) Гумилев получил только в январе 1949 г., меньше чем за год до нового ареста [Там же, с. 239]. Гумилев о занятиях наукой в заключении: «В этих работах мне очень помог мой учитель Николай Васильевич Кюнер. В лагерь он прислал мне бесценный подарок – только что вышедший исторический источник И. Я. Бичурина “Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена”» [«...Иначе поэта нет», 1989, с. 131]. 29 апреля 1955 г. Ахматова написала сыну: «Дорогой мой мальчик, я должна очень огорчить тебя: скончался Николай Васильевич Кюнер – твой учитель. Он так любил тебя, что плакал, когда узнал о постигшем тебя. Я спрятала на память об этом светлом человеке известие о его смерти, напечатанное в “Ленинградской правде”» [Переписка А. А. Ахматовой..., 1994, с. 183]. Существовали ли рецензии Кюнера на работы Гумилева, неизвестно. Об Артамонове и его отзывах на труды Гумилева см. далее.

³⁴ К 1958 г. относится рукопись Гумилева «Северная граница Китая». Народы, изучением которых занимался Гумилев, были тесно связаны с Китаем. См., например: [Гумилев, 1974]. В период написания письма Ахматовой Шолохову отношения между Китаем и Советским Союзом были интенсивно дружескими. В 1949 г., после провозглашения Китайской Народной Республики, СССР признал новое государство, а Мао Цзэдун более двух месяцев провел в Советском Союзе. В 1950 г. страны подписали Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи и создали альянс. СССР оказывал Китаю большую помощь. В 1954 году было заключено соглашение о помощи Китаю в освоении мирного использования ядерной энергии, советская делегация во главе с Н. С. Хрущевым посетила Китай. Но уже во второй половине 1950-х гг. отношения между странами стали портиться, а в 1960 г. началась двадцатилетняя вражда.

³⁵ В период последнего заключения в лагерях Караганды, Междуреченска и Омска Гумилеву пришлось сменить множество профессий: землекоп, истопник в бараке, рабочий на стройтельстве жилья, чертежник, монтер, строительный десятник, скульптор, грузчик и т. д. [Беляков, 2013, с. 244–249]. На вопрос, откуда он брал время на научную работу, Гумилев ответил: в ноябре 1952 г. «лагерные медики, спасая полубольного человека от каторжного труда, признали меня инвалидом. И как инвалид я получил возможность работать в бухгалтерии, в библиотеке или просто сидеть в инвалидном бараке» [«...Иначе поэта нет», 1989, с. 131]. Но и «получив инвалидность, Гумилев не избавился от проклятия общих работ. Стоило ему немного подлечиться, как начальство ему вручало лопату или лом» [Беляков, 2013, с. 248]. Свидетельство А. Ф. Савченко, жившего в лагерях рядом с Гумилевым: «А чем же занимался Лев Николаевич все эти годы? Он работал над своей научной идеей. Над пассионарной теорией – все семь лет <...> / При всем этом надо иметь в виду, что, по условиям лагерного режима, ни одной строчки нельзя было записать на бумаге. <...> Послабления в этом вопросе появились <...> за год или за два до освобождения. Волей-неволей Льву Николаевичу приходилось складывать весь получаемый в ходе работы материал в свой природный сейф, иначе – в свою память <...> / До сих пор речь шла о вечерних часах <...> Но ведь место действия – все же лагерь принудительного труда. Каждый день Лев Николаевич вместе с остальными обязан был десять часов работать “на объекте”. У нас такими “объектами” являлись строительные площадки. Не самые худшие места, по лагерным меркам. <...> И все же десять часов дневного времени приходилось заниматься физическим трудом. Вдобавок к этому – дорога туда, дорога обратно <...> и это время он использовал для работы над пассионарной теорией. <...> – Вы сетуете

Мой сын наказан сурово (он осужден на 10 лет), но не знает, в чем состав его преступления.

В качестве обвиняющего его материала была приложена выписка из «Большой советской энциклопедии» с биографическими сведениями обо мне. Но я, как Вы знаете, восстановлена в Союзе советских писателей, была выбрана делегатом с решающим голосом на съезд, все время работаю, занимаюсь переводами.

Абакумов на него «взъелся», пишет мне сын. Но Абакумов давно разоблачен как кровавый фашист, пробравшийся в органы госбезопасности, расстрелян³⁶, а жертва его, мой сын, все еще не на свободе.

Его обвиняют еще и в том, что двадцать лет назад, в 1935 году, когда ему было 22 года, он в подвыпившей компании вел «нелояльные» разговоры. Он был тогда арестован³⁷, но я обращалась с просьбой в Центральный Комитет ВКП(б), и через десять дней после ареста он был освобожден³⁸.

10 марта 1938 г. он был снова арестован. Три месяца его избивал следователь Бархударьян и 10 июня 1938 г. вынудил у Гумилева подпись под чудовищным обвинением, что я, Ахматова, подговаривала его убить товарища А. А. Жданова³⁹. Только после многих мытарств, вплоть до осуждения к расстрелу во время

на длинную дорогу <...> / Полтора часа туда, полтора обратно. Три часа для творческих размышлений!» [Вспоминая Л. Н. Гумилева..., 2003, с. 169, 172, 180].

³⁶ Абакумов Виктор Семенович (1908–1954) – государственный деятель сталинского времени, в годы войны возглавлял контрразведку «Смерш», с 1946 по 1951 г. министр государственной безопасности СССР. В 1951 г. арестован, обвинен в измене Родине, сионистском заговоре в МГБ и т. д. В декабре 1954 г. расстрелян. См. о нем, например: [Столяров, 1997; Смыслов, 2012]. 14 июля 1950 г. Абакумов направил Сталину записку «О необходимости ареста поэтессы Ахматовой»: на основании выбитых у Пунина и Гумилева показаний против Ахматовой и агентурных материалов объявлял, что она «проводила вражескую работу против Советского государства», просил разрешения на ее арест [Шенталинский, 2000, с. 29]. Сталин разрешения не дал. «Конечно, она не могла знать, что именно в этот момент ее судьба повисла на волоске, не знала о докладной Абакумова. Но как раз тогда она делает свой последний и отчаянный шаг, чтобы спасти сына: пишет и публикует цикл верноподданнических стихов “Слава миру”» [Там же].

³⁷ Козырев А. Н. Как это было. Материалы следственного дела Л. Н. Гумилева и Н. Н. Пунина 1935 года. См.: [Вспоминая Л. Н. Гумилева..., 2003, с. 257–331].

³⁸ В 1935 г. Ахматова обращалась с письмом – мольбой освободить мужа и сына – непосредственно к Сталину. См. письмо в публ.: [«Освободить...», 1999, с. 77].

³⁹ Бархударьян Айрапет (Айрат) Карапетович (1909–1942) – капитан (в период допросов Гумилева – сержант), сотрудник УНКВД Ленинградской области. Пропал без вести на фронте под Ленинградом [Книга памяти..., 1995, с. 40]. «Гумилева обвиняли по статьям 58-10 (контрреволюционная пропаганда и агитация) и 58-11 (организационная контрреволюционная деятельность). Но расколоть его сразу не удалось. Первый допрос следователь Филимонов провел сразу после ареста, но Гумилев ни в чем не признался, психологические методы уже не действовали на него: опыт 1935-го не прошел даром. Тогда <...> Гумилева передали в руки сержанта Бархударьяна, оперуполномоченного 8-го отделения 4-го отдела Управления НКВД по Ленинградской области. / <...> террор создал особый тип “следователя-колольщика”. Такой следователь мог обойтись вовсе без агентурных данных. / Айрат Карпович (Так! – О. Р.) Бархударьян, самый страшный следователь в жизни Гумилева, как раз и был таким “колольщиком”. В его задачу входило выбить из Гумилева показания. Сержант выбивал их почти три месяца. <...> В конце концов <...> Гумилев подписал протокол, составленный, очевидно, самим Бархударьяном. Там было признание

следствия в ленинградской тюрьме, это обвинение в 1939 году было с него снято. Тем не менее он был осужден на 5 лет пребывания в ИТЛ⁴⁰, и материалом для обвинения послужило то же событие 1935-го года, вина, которая была тогда ему отпущена по моей просьбе. Ну что ж, делать нечего, он отсидел свои 5 лет (в Норильске), работая даже под землей в вечной мерзлоте⁴¹.

В 1943 году он вышел на поселение в Туруханск. Полтора года он проработал в тайге в заготовительной экспедиции⁴², но шла Великая Отечественная война, он рвался на фронт и наконец в 1944 году, реально угрожая самоубийством, добился разрешения пойти на войну добровольцем⁴³. До самой Победы он все время был

во всем: в руководстве антисоветской молодежной организацией, в контрреволюционной агитации (чтение стихотворения Мандельштама о “кремлевском горце”), в подготовке покушения на товарища Жданова. Здесь же Гумилева заставили дать показания и на мать...» [Беляков, 2013, с. 131–132]. Ср.: «Тут уж начались пытки <...> так как я ни в чем не хотел признаваться, то избиения продолжались в течение восьми ночей» [«...Иначе поэта нет», 1989, с. 129]. В «Автонекрологе» Гумилев говорит об избивавшем его «следователе капитане Лотышеве» [Вспоминая Л. Н. Гумилева..., 2003, с. 19–20]. В деле Гумилева 1938 г. есть имена и А. К. Бархударьяна, и Н. М. Лотошева (Так!). См.: [Разумов, 2006, с. 280, 282]. Вторая часть этой статьи А. Я. Разумова – «“Вот это действительно правильно”: К делам обвиняемого Льва Гумилева» – содержит обзор дела 1935 и 1949 гг. и подробно освещает дело 1938 г. Во время суда военного трибунала 27 сентября 1938 г. Гумилев от показаний отказался: «Протокол от 20 мая я не признаю, т. к. он был заготовлен заранее и я под физическим воздействием был вынужден его подписать» [Там же, с. 287].

⁴⁰ ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь, исправительно-трудовые лагеря.

⁴¹ В оригинале – «работая даже под Земле в вечной мерзлоте»; вписано рукой Ахматовой. В Норильском лагере труд заключенных использовался на «Норильскстрое», там создавался Норильский никелевый комбинат. Гумилев находился в Норильлаге в 1939–1943 гг. «Из воспоминаний Льва Гумилева о Норильске: “<...> гора Рудная, бывшая в то время сокровищницей Норильска. В середине склона гору прорезала штольня, тянувшаяся вдоль серебряной жилы халькопирита. Эта штольня казалась нам блаженным приютом, ибо в ней была постоянная температура минус 4. По сравнению с сорокоградусными морозами снаружи или мятущейся пургой, сбивающей с ног, в штольне рабочий день проходил безболезненно” <...> / Первые месяцы Гумилев был на общих работах, терпел голод, мороз и “пургу на открытом месте”» [Беляков, 2013, с. 142, 150–151].

⁴² Когда 10 марта 1943 г. истек срок заключения Гумилева, его оставили в Норильске – работать на Норильском комбинате. Вскоре он оказался в геологической экспедиции в окрестностях Хантайского озера на юге Таймыра, затем попал в Нижнетунгускую геологоразведочную экспедицию, которую сделали стационарной; «Летом 1944-го Гумилева за хорошую работу премировали недельным отпуском в Туруханск, ближайшее к месту работы селение. / Точно неизвестно, сколько раз приезжал в Туруханск Лев Гумилев. Нет сомнения, что бывал там не только летом, но и осенью 1944-го: в октябре именно из Туруханского райвоенкомата он отправился на военную службу» [Беляков, 2013, с. 168–170].

⁴³ «...Тогда, в разгар войны, Лев Николаевич думал не только о гражданском долге. <...> / Гумилев, уже отсидевший свой срок, мог добиться снятия судимости, восстановиться в университете, вернуться к своим тюркам, гуннам, монголам <...> <...> Путь к любимой научной работе с неизбежностью вел на передовую» [Беляков, 2013, с. 174–175]. «Впоследствии, уже после войны, я слышала от самого Левы подробности этого эпизода. Он действительно рвался на фронт, несколько раз подавал заявления – безуспешно. Наконец явился к коменданту, держа на запястье бритву, и пригрозил: “Вот я сейчас вскрою себе вены, своей кровью твою морду вымажу, а тебя будут черти жарить на ско-

в боях, служил солдатом. Вел себя безупречно, о чем свидетельствует медаль за взятие Берлина и благодарность, которыми он был отмечен наряду с другими храбрыми защитниками Родины.

После демобилизации он вернулся в Ленинград. За 4 года, проведенные на свободе, он наверстал упущенное за 7 лет время. Как я уже говорила, об этом свидетельствуют отзывы наших крупнейших историков. Но были люди, которые дурно к нему относил<ись> так как он жил со мной в то время, когда моя поэтическая деятельность подверглась суровой критике Центрального Комитета партии, его исключили из аспирантуры, не допускали к защите диссертации, не принимали на работу и только благодаря доброжелательному вмешательству тов. Кузнецова (.....)

.....
.....) ему дали защитить кандидатскую диссертацию и приняли на работу в Этнографический музей в качестве старшего научного сотрудника⁴⁴.

вороде” (тот боялся Страшного суда). “Вот так меня и отпустили”» [Герштейн, 1998, с. 198].

⁴⁴ Кузнецов Алексей Александрович (1905–1950) – партийный деятель сталинской эпохи, выдвиженец С. М. Кирова и А. А. Жданова, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) (1945–1946), секретарь ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б) (1946–1949). В августе 1946 г. состоял в комиссии, которой было поручено разработать проект постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и «Ленинград»», где поносили Зощенко и Ахматову [Черных, 2016, с. 494; Зенькович, 2002]. При этом Кузнецов, как и Жданов, не был в числе инициаторов постановления – инициаторами были Сталин и Маленков: «В марте 1946 года пленум ЦК утвердил члена оргбюро, секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова членом политбюро ЦК. Кроме него все три высших поста в партии занимали только Сталин и Жданов – второй человек в партии. Однако уже вскоре после взлета над Маленковым начали сгущаться тучи. Его удалили с важнейшего поста начальника управления кадров ЦК ВКП(б) и назначили на эту должность ближайшего сотрудника Жданова, энергичного секретаря ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Кузнецова. <...> / Бдительность Маленкова, получившая одобрение у Сталина, способствовала тому, что в окончательный вариант постановления о журналах был внесен пункт о грубой политической ошибке ленинградского горкома. / Для руководителей Ленинграда и их московских покровителей – Жданова и Кузнецова это был, конечно, удар, хотя они попытались сделать все для того, чтобы смягчить его. Характерная сцена произошла в перерыве заседания оргбюро 9 августа. По воспоминаниям П. И. Капицы, “к Саянову (В. М. Саянов в то время был редактором “Звезды”. – О. Р.) подошел секретарь ЦК по кадрам Алексей Кузнецов. Он начал уверять Виссариона <...>, что сказанное Сталиным надо принять как похвалу. При этом пожал ему руку и произнес:

– Поздравляю, держи голову выше!

К нам подошли секретари ленинградского горкома, а потом присоединился и Жданов, решивший, видимо, нас подбодрить:

– Не теряйтесь, держитесь по-ленинградски, мы не такое выдержали <...>

В дверях показался Сталин. Видя толпящихся ленинградцев, шутливо удивился:

– Чего это ленинградцы жмутся друг к дружке? Я ведь тоже питерский.

Жданов отошел от нас. <...> / Жданов пытался не акцентировать внимание на критике ленинградского горкома и позже, когда 15 августа докладывал о постановлении ЦК на собрании партактива Ленинграда. <...> / Однако пройдет меньше трех лет и уже после

Только вредительством я могу объяснить его третий арест в ноябре 1949 года, во время «Ленинградского дела»⁴⁵, когда он так увлеченно и плодотворно рабо-

смерти Жданова обвинительные формулировки 1946 года отчетливо прозвучат в документах ЦК ВКП(б) на пороге «ленинградского дела» [Бабиченко, 1993, с. 207–208, 212–213]; см. также размышления С. Лаврова: [Гумилев, 2003, с. 122–124].

О «доброжелательном вмешательстве» Кузнецова в дела Гумилева из других источников (кроме данного письма Ахматовой) комментатору неизвестно. Ср.: «Из всех интеллигентов, с которыми я встречался, лучше всех ко мне отнесся ныне покойный ректор университета Александр Алексеевич Вознесенский, который дал мне возможность защитить диссертацию в университете...» (Гумилев Л. Автобиография // [Гумилев, 2003, с. 10]). «Неожиданно пригодилось знакомство с Маргаритой Памфиловой. Она училась со Львом на одном факультете, а в 1948 году была секретарем ректора ЛГУ Александра Алексеевича Вознесенского, брата могущественного тогда председателя Госплана Николая Алексеевича Вознесенского. Маргарита устроила так, чтобы ректор принял Гумилева. / Встреча, видимо, состоялась в апреле или начале мая 1948 года. <...> он обратился к ректору не только по поводу диссертации, но и попросил себе место в университете. Выслушав, ректор принял решение: “Работу в университете я вам предложить не смогу... А вот диссертацию, прошу, передайте на Совет, историкам. И смело защищайтесь. В добрый час, молодой человек!” / Однако решение Вознесенского, по всей видимости, не могло быть окончательным. Историк Рафаил Шоломович Ганелин, ссылаясь на разговор с Н. Г. Сладкевичем, который был ученым секретарем на защите Гумилева, утверждает: разрешение на защиту дал лично Молотов» [Беляков, 2013, с. 210]. Ср. также: «В январе 1949 года <...> Директор Музея этнографии народов СССР Л. Н. Потапов по протекции Артамонова и Руденко принял Гумилева на должность старшего научного сотрудника» [Там же, с. 239]. Вполне возможно, что за фигурами ректора университета и его брата стоял не только министр иностранных дел В. М. Молотов, но и А. А. Кузнецов, а также что протекции двух маститых археологов – М. И. Артамонова (тогда проректора университета) и С. И. Руденко (тогда зав. отделом антропологии в Институте этнографии) – для приема Гумилева на работу было недостаточно и за разрешением обращались к Кузнецову. Упомянув в письме Кузнецова, Ахматова и Герштейн поставили после его имени скобки, а внутри них – длинный ряд точек. По-видимому, предполагалось, что на месте многоточия будет вписано касающееся Кузнецова объяснение. Расстрелянный по «ленинградскому делу», Кузнецов в 1954 г. был реабилитирован, так что имя его можно было упоминать.

⁴⁵ «Ленинградское дело» – название серии судебных расправ в конце 1940-х – начале 1950-х гг. над рядом представителей руководства Ленинграда и высшего руководства страны (выходцев из Ленинграда), а также над другими ленинградскими (и не только) руководящими работниками. Им были предъявлены обвинения, что они «ставили целью взорвать партию изнутри и узурпировать партийную власть», в русском национализме (якобы они были недовольны засильем кавказцев в руководстве страны), коррупции, в использовании служебного положения в личных корыстных целях и проч. А. А. Кузнецов, П. С. Попков, Н. А. Вознесенский и его брат А. А. Вознесенский, Я. Ф. Капустин, П. Г. Лазутин, М. И. Родионов и другие были подвергнуты пыткам и расстреляны, многие были приговорены к длительным срокам заключения. Дело было инспирировано Берией, Абакумовым и Маленковым с санкции Сталина. По некоторым версиям, за «Ленинградским делом» стояла личная ненависть Сталина к Ленинграду и задача ликвидировать особый статус города и его руководства, ставшего действовать слишком самостоятельно во время войны. После смерти Сталина и разоблачения в 1953 г. Берии ЦК КПСС провел проверку «Ленинградского дела». Были установлены ложность обвинений и нарушение социалистической законности, основным организатором дела был объявлен Абакумов. В 1954 г. ряд обвинявшихся по «Ленинградскому делу» был реабилитирован (см. [Болдовский, Бранденбергер, 2019; Амосова, Бранденбергер, 2017] и др.). С. Б. Лавров: от событий 1946 г. «было

тал на пользу советской науки! Вскоре после ареста он был увезен в Москву. В Лефортовской тюрьме он полгода сидел в одиночке, год ему не давали спать, и, наконец, осенью 1950 года он был отправлен в ИТЛ.

Сейчас ему 42 года. Перенесенные в тюрьмах издевательства, оторванность от творческой научной жизни, почти 11 лет (в общей сложности) пребывания в ИТЛ расшатали его здоровье до предела.

Мне никогда не было так плохо, как теперь⁴⁶. Каждый лишний день разлуки приближает конец⁴⁷. Вот почему я решаюсь беспокоить Вас моей горячей просьбой вступить за моего сына, ходатайствовать об его освобождении.

Анна Ахматов<a>⁴⁸

P. S. Это письмо передаст Вам Эмма Григорьевна Герштейн – мой друг. Поговорите с ней.

совсем недалеко до “ленинградского дела”; они были прелюдией к нему. 1946-й и 1949-й несравнимы. <...> / в 1946 г. никого, кроме узкого круга “причастных” к делу, не выгнали с работы и не репрессировали. Ощущался какой-то странный диссонанс между словами и делами местной власти. Не был ли это спектакль для “верхов”? <...> / Совсем другое дело – 1950-й! Вспоминаю одну деталь: едем с другом-студентом в промерзшем тамбуре поезда <...> И вот в пустом тамбуре друг шепчет мне на ухо: “А Леву сегодня посадили!” (Лева – его приятель, сын ректора ЛГУ А. Вознесенского.) Вот здесь уже был удар по городу, жесткий удар по университету, и отнюдь не словесный, а “лагерный”, расстрельный... <...> / В Ленинграде и области работы лишилось 2000 человек, многие из них были репрессированы, некоторые расстреляны» [Гумилев, 2003, с. 124–126].

«В своих письмах к Ахматовой из лагеря Лев не сомневается – причиной ареста послужили доносы востоковедов из ИВАНА <...> / Но уже после лагеря Гумилев говорил Михаилу Ардову, что его посадили “за маму”. <...> / Доносы из ИВАНА были, кто спорит, но не так уж много компромата было в тех доносах. <...> следовательно поначалу не мог слепить из доносов хоть сколько-нибудь серьезного обвинения. <...> Значит, Гумилева взяли по несостоявшемуся делу Ахматовой? Увы, эта версия тоже не выдерживает критики. Дело в том, что несколько месяцев (с ноября 1949-го по апрель 1950-го) Ахматова особенного места в следственном деле Гумилева не занимала. <...> / После войны в системе ГУЛАГа появилось понятие “повторник”. <...> Таким повторником, несомненно, был и Лев Гумилев. <...> / дело ленинградских партийных чиновников вызвало волну, что смочет в прорву ГУЛАГа людей, весьма далеких от схватки <...> Это цунами накрыло и Гумилева. <...> Жить в Ленинграде в 1949 году, носить фамилию “поэта-монархиста”, расстрелянного за участие в контрреволюционном заговоре, – и уцелеть? <...> для ареста Ахматовой необходимо было решение Сталина, ее сына можно было взять гораздо легче» [Беляков, 2013, с. 241–242]. «Писать об этом деле еще рано. Отметим, что оно не было обычным делом “повторника”. <...> / 26 августа 1949 г. был вновь арестован Пунин. Постепенно готовился арест Ахматовой. <...> / Арест Гумилева готовился следчастью по особо важным делам МГБ в Москве. <...> По указанию МГБ, арестованного Гумилева 8 ноября этапировали спецконвоем в Москву, в Лефортово. / 14 ноября 1949 г. министр Абакумов подписал постановление на арест и об избрании меры пресечения в отношении Гумилева по статьям об измене Родине и антисоветской деятельности» [Разумов, 2006, с. 309–310].

⁴⁶ Фраза написана рукой Ахматовой.

⁴⁷ Слово «конец» вписано Ахматовой вместо зачеркнутого ею первоначального варианта «роковую развязку».

⁴⁸ Эта и следующие строки – рукой Ахматовой.

«Объяснения», часть 2:

В июле Шолохов приехал в Москву и Ахматова с ним созвонилась⁴⁹. В назначенный день и час (утренний) я проводила ее к нему в Староконюшенный (или Новоконюшенный?) переулок⁵⁰ и очень долго ждала ее возвращения в садике напротив дома.

Она вышла ликующая. Рассказала, что застала у Шолохова двух поэтов (кажется, С. Васильева⁵¹ и С. Смирнова⁵²), которых он стыдил, если ловил на не-

⁴⁹ Ср. свидетельство М. В. Ардова: «В 1954 году, когда началось освобождение политических узников из сталинских лагерей и появилась надежда вырвать оттуда Гумилева, мне было 17 лет. Я очень хорошо помню, что Ахматова непрерывно занималась тем, чтобы хоть как-то облегчить участь сына. Она обращалась с просьбой о помощи к самым знаменитым и влиятельным советским писателям – А. Фадееву и М. Шолохову. (Первый из них был членом ЦК партии, а второй – депутатом Верховного совета СССР.) Телефонный разговор с Шолоховым происходил на моих глазах. Положивши трубку, Анна Андреевна пересказала реплику собеседника:

– Когда я попросила у него прощения за беспокойство, он ответил: “Ну что вы! Ко мне обращаются и с менее значительными просьбами. А у вас такое горе!”» [Ардов М., 2002].

⁵⁰ По-видимому, речь идет об адресе, по которому Шолохов долгие годы жил в Москве: Сивцев Вражек, д. 33.

⁵¹ Васильев Сергей Александрович (1911–1975) – поэт, журналист. Мог быть близким знаком с Шолоховым. Их объединяло то, что оба происходили «из народа», были преданы своей малой родине, а также такая черта, как антисемитизм. В 1949 г., в период кампании против космополитизма, Васильев написал «юдофобскую поэму “Без кого на Руси жить хорошо”», которая «безнаказанно ходила в гранках для “Крокодила”», хотя и не была напечатана [Данин, 1996, с. 412]. Основные персонажи поэмы – критики и писатели евреи, атрибуты которых – чеснок и серная кислота. Они восклицают:

– Зачем нам проза ясная?
– Зачем стихи понятные?
– Зачем нам пьесы новые,
спектакли злободневные
на тему о труде?
– Подай Луи Селина нам,
подай нам Джойса, Киплинга,
подай сюда Ахматову,
подай Пастернака!
– Поменьше смысла здорового,
а больше от лукавого,
взамен двух тони свежатины
сто пять пудов тухлятины
и столько же гнильцы.

На сегодняшний день поэма опубликована в журнале внутри обзора В. Молчанова «Смех дыбом. Веселые стихи поэтов Белогорья и Москвы» [Молчанов, 1993, с. 252–253]. В обзоре сказано, что поэма не кажется публикатору антисемитской [Там же, с. 251]. В содержание журнала поэма не включена, строфа об Ахматовой, Пастернаке и др. в публикации опущена. Здесь опус цитируется по интернет-публикации А. Мальгина^{*}, указывающего, что «Сергей Васильев был убежденным антисемитом» [Мальгин^{*}, 2015]. См. стихотворный панегирик Васильева Шолохову: *Васильев С. А.* Слово редкой красоты [Ва-

знании стихов Ахматовой, заставлял кланяться ей как классику русской поэзии, словом, принимал ее со всеми почестями и вместе с тем дружески. Видимо, Анна Андреевна – для ознакомления с подробностями Левиного дела – оставила ему заранее заготовленное письмо, которое было перепечатано мною уже с учетом поправок Ахматовой?⁵³ Другого объяснения происхождения этой копии я не нахожу.

После этого визита Анна Андреевна больше с Шолоховым не встречалась⁵⁴, но звонила к нему по телефону в назначенные сроки, он назначал всегда в 9 час.

ильев, 1979, с. 176–179]. См. также групповую фотографию, где за спиной Шолохова стоит Васильев: [Михайлова, 2002].

* Минюстом России А. Мальгин признан иностранным агентом.

⁵² Смирнов Сергей Васильевич (1912–1993) – поэт и переводчик. Дружил с Шолоховым, о чем говорит, в частности, телеграмма последнего, посланная к 50-летию Смирнова: «Торжественно поздравляю и обнимаю бурным пятидесятилетием и одновременно Новым годом дорогого друга...» [Пантелеймонов, 1983, с. 263–264]. «Очень полюбила Сергею проза Шолохова <...> “Шолохов, – говорит поэт, – это русский гений с чистым и щедрым сердцем, с открытой и необъятной душой... Я как лучшие стихи повторяю шолоховские слова: “...каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и народу, которым мы служим своим искусством”». Эти слова стали, по сути, девизом всей жизни поэта, основой его творчества» [Там же, с. 25]. Смирнов посвятил Шолохову стихотворение «Щедрость», есть у него и стихи, посвященные С. Васильеву [Там же, с. 251]. Со своей стороны, Васильев – автор статей о Смирнове: «Зоркость», «Зову гореть и жить грядущим...» [Васильев, 1979, с. 219–225].

⁵³ Так, с вопросительным знаком. Возможно, Ахматова передала Шолохову чистовик письма, но сохранился ли он, неизвестно.

⁵⁴ Ср. анекдотическую версию единственного визита Ахматовой к Шолохову, которую оставил солагерник Гумилева С. Снегов в своих весьма неточных воспоминаниях. «Она просила помощи у Шолохова, он обещал написать письмо Председателю Верховного Суда Волину <...> Утром какого-то дня Ахматова уехала из Голицына на свидание с Шолоховым. Вернулась она поздно вечером и попросила меня к себе. Вздуроченная и взволнованная, она рассказала, что произошло на квартире у Шолохова. / Сначала, открыв на звонок дверь, ей сказали, что Шолохова нет в Москве. Она возразила, что он сам назначил ей свидание на этот день и час, наверно, уезжая, он что-то ей оставил. Тогда ей объяснили, что Шолохов вообще-то дома, но нездоров и принять ее не может. Она поняла, что он запил и лежит в бесчувствии. Надо было уходить. Вдруг появился в одном исподнем Шолохов. Он был пьян, язык еле связывал слова:

– Аннушка, заходи. Я это... написал. Возьмешь. – Он провел ее в свой кабинет и, не одевшись, даже халата не накинув, стал рыться в ящиках стола. Одна бумага за другой вышвыривались на пол. <...> / Обещанное письмо отыскалось на дне одного из ящиков. Шолохов вручил его Ахматовой и широко зевнул:

– Отправляй. А я, извини, посплю.

И как был, не собирая разбросанных по полу бумаг, повалился на диван. / Не помню, показала ли мне Ахматова то письмо, но помню, как растроганно блестели ее глаза, как взволнованно подрагивал голос, когда она говорила о пьяном Шолохове» [Вспоминая Л. Н. Гумилева..., 2003, с. 147–148]. При всей фантастичности этой версии то, что пьющий Шолохов во время встречи с Ахматовой был нетрезв, подтверждается записью Л. К. Чуковской от 2 октября 1955 г.: «Анна Андреевна вспомнила свое свидание с Шолоховым, насколько я поняла, уже довольно давнишнее. По поводу Левы.

– Он был совершенно пьян. Ничего не понимал и не помнил. Но я должна быть ему благодарна, он твердо помнил две вещи: что я хорошая и что он мне действительно обе-

утра, это было трудно Анне Андреевне, встававшей значительно позже, и я прибежала к этому часу с Серпуховки на Ордынку, и мы дозванивались к нему. В первый раз он ответил, что в Прокуратуре «проверяют», во второй, что «поднят весь материал» и надо ждать, затем раз от разу тон его, как казалось Анне Андреевне, становился все мрачнее и неприветливее, и это приводило ее в неопикуемый трепет.

Самым тяжелым для нее было то, что вокруг этого дела стала искусственно создаваться такая атмосфера, как будто у всеми уважаемой Ахматовой был какой-то сын-выродок – забулдыга, тунеядец, чуть ли не уголовник. Именно поэтому она и решила дополнить материалы его дела характеристиками ученых и хотела, как видно из ее письма, чтобы с ними ознакомился Шолохов.

Второе ходатайство В. В. Струве⁵⁵:

Копия.

Насколько мне известно, в настоящее время производится пересмотр дел осужденных за время, когда во главе органов государственной безопасности стоял Берия. В связи с этим позволяю себе обратиться к Вам с усердной просьбой ускорить рассмотрение дела Льва Николаевича Гумилева, 1912 года рождения, арестованного 6.XI.49 в Ленинграде.

Я беру на себя смелость сказать, что достаточно хорошо знаю Л. Н. Гумилева как моего ученика со студенческой скамьи и как сотрудника Института востоко-

шал. И обещанное он исполнил, хотя, с пьяных глаз, перепутал все, что мог» [Чуковская, 1997, т. 3, с. 160].

Ср. эту запись Чуковской и «Объяснения» Герштейн с утверждением шолохова: «Читаю в “Записках об Ахматовой” Лидии Чуковской, что Шолохов помог освобождению. На этот раз Лаврентий Берия уступил писателю. Сын Ахматовой выпущен. Увы, пребывал на свободе недолго...» [Осипов, 1995, с. 214]. Здесь перепутаны довоенные намерения Шолохова «хлопотать за Левушку», которые остались только намерениями («Скоро началась война, и было уже ни до чего»), и события 1955 – начала 1956 г., когда Берия уже был расстрелян, а Шолохов пытался, но не смог помочь Ахматовой в освобождении сына. Замечу, что в «Записках» Чуковской 1938–1941 гг. (т. 1) имя Шолохова вообще не упоминается. Столь же необоснованно утверждение В. О. Осипова, что сборник Ахматовой 1940 г. «Из шести книг» был выпущен с подачи Шолохова: «И к Сталину – рассказал о таланте Ахматовой. Дано указание срочно выпустить книгу» [Осипов, 1995, с. 214]. В шолоховской летописи указано под датой 15 мая 1940 г.: «Выходит в свет сборник стихов А. А. Ахматовой “Избранное. 1912–1940 гг.” с предисловием М. А. Шолохова. Писатель рекомендовал книгу на Сталинскую премию, несмотря на осуждение ее партноменклатурой» [Михаил Шолохов, 2005, с. 170]. Тут неточно все. Вышедший в 1940 г. сборник – «Из шести книг. Стихотворения Анны Ахматовой», а ахматовский сборник «Избранное» вышел в 1943 г. в Ташкенте. Ни в одном ахматовском издании, включая сборник «Из шести книг», нет предисловия Шолохова. Сборник вышел не 15 мая, а позднее: согласно ахматовской летописи, 20 мая пришел сигнальный экземпляр, 21 мая датировано разрешение цензора Главлита на выход книги, а 23-м – первая, по-видимому, дарственная надпись Ахматовой на сборнике [Черных, 2016, с. 380–381]. Шолохов рекомендовал «Из шести книг» на премию вместе с Фадеевым, Пастернаком, А. Толстым и др. до того, как сборник был осужден партноменклатурой и изъят из продажи и библиотек (хронику событий см.: [Там же, с. 381–388]).

⁵⁵ РГБ. Ф. 641. Кар. 3. Ед. хр. 9. Прилож. 2. Машинопись. Л. 12 – 12 об.

ведения Академии наук в Ленинграде, которого я был тогда директором, чтобы со всей убежденностью утверждать, что он вполне честный советский человек, преданный Родине и Советской власти. Я уверен, что пересмотр дела покажет это с полной очевидностью.

С<о> своей стороны я хочу засвидетельствовать, что Л. Н. Гумилев – выдающийся знаток истории Среднего Востока, отсутствие которого из наших рядов приносит большой ущерб нашему делу. Его отличные способности и исключительная память позволили ему, даже находясь в условиях своего места заключения и будучи болен, написать две крупных и солидных научных работы, охватывающих историю Средней Азии от Китая (включительно) до Каспия и южнорусских степей и восстанавливающих впервые картину политических событий и общественно-культурной жизни этой огромной области, столь тесно и кровно связанной с СССР исторически и политически.

Но эта работа, как она ни значительна, представляет лишь малую долю того, что этот ученый был бы в состоянии сделать, имея необходимые условия для своей научной работы. И я не могу без глубокой горечи думать о том, что ценная для СССР жизнь крупного специалиста гибнет без всякой вины с его стороны.

См. н / об. ⁵⁶

Я позволяю себе просить об ускорении пересмотра дела Л. Н. Гумилева потому, что он, насколько мне известно, страдает серьезным заболеванием сердца (перикардит) и язвой 12-типерстной кишки, что в условиях, в которых он находится, грозит ему гибелью. Между тем особенно теперь, когда враги СССР, во главе с США, ведут ожесточенную идеологическую борьбу против нас в Азии, наличие в наших рядах такой научной величины, как он, было бы чрезвычайно необходимо ⁵⁷.

Академик В. Струве

«30» ноября 1955 г.

⁵⁶ Сокращение означает «Смотри на обороте».

⁵⁷ Цитируя ходатайство Струве, С. С. Беляков пишет: «Видна опытная рука человека, за много лет изучившего психологию советского начальства» [Беляков, 2013, с. 294]. Герштейн: второе ходатайство было составлено Струве «при помощи проф. Б. В. Казанского <...>. Ахматова была тронута усердием обоих ученых и отозвалась ласково: “Старички потрудились”» [Герштейн, 1989, с. 61].

Ходатайство А. П. Окладникова ⁵⁸:

Копия.

Мне пришлось довольно близко соприкоснуться в ходе моей собственной научной работы с Львом Николаевичем Гумилевым, который, несмотря на свою молодость, сразу же показал себя крупным, я бы сказал, даже выдающимся исследователем прошлого народов Центральной и Средней Азии.

⁵⁸ РГБ. Ф. 641. Кар. 3. Ед. хр. 9. Прилож. 2. Машинопись. Л. 11. Окладников Алексей Павлович (1908–1981) – археолог, историк, этнограф; в 1938–1961 гг. работал в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры АН СССР; впоследствии – академик АН СССР (1968) и член многих зарубежных академий. «...Открыл одно из древнейших в мире палеолитических захоронений в пещере Тешик-Таш в Узбекистане, поселения верхнего палеолита у с. В. Буреть на Ангаре, древнейший палеолитический памятник Сибири – стоянку Улалинка на Алтае. Изучил сотни иных археологических памятников от эпохи палеолита до XVII в. Опубликовал свыше семидесяти монографий, более тысячи статей. Внес огромный вклад в формирование современных представлений о процессах освоения Сибири человеком, древнейшей и древней истории, этногенеза и культурогенеза, периодизации древних культур Азии, происхождения религии. Создал сибирскую школу археологии, основал научный институт, факультет и кафедру в Новосибирском университете. <...> / А. П. Окладников, еще при жизни ставший человеком-легендой – исследователь широчайшего хронологического, тематического и географического диапазона. Он был признанным специалистом по любому культурно-историческому периоду развития человеческого общества, начиная с древнейшего времени. <...> А. П. Окладников был тонкий аналитик, обосновывающий постановку важнейших фундаментальных проблем, и вместе с тем прирожденный полевик-исследователь, первооткрыватель неизведанного, постигающий сокровенный смысл духовного мира человека прошлого. <...> он сумел обогатить науку блестящими открытиями, сделанными на Ангаре и Лене, в Забайкалье и Якутии, на Колыме и Охотском побережье, на островах Северного Ледовитого океана, в среднеазиатских республиках бывшего Советского Союза, в регионах Дальнего Востока, включая Приамурье и Приморье, Сахалин и Курилы, а также на Алтае, в Западной Сибири, Монголии, на Кубе, Аляске и Алеутских островах / <...> Большое количество учеников, последователей, коллег и друзей Алексея Павловича – это следствие его как непрерывающегося профессионального научного авторитета, так и большого личного обаяния, общительности, доступности, превосходных качеств лектора и стилиста» [Деревянко и др., 2008, с. 3–4, 10]. «Не бранил свое время. Не жаловался на действительность. Никого не обличал. На судьбу не обижался. / Обошли его обиды? Не знаю. Знаю только, что всегда его переполняли впечатления последней экспедиции. И занимали планы будущих поездок, раскопок, поисков. / Читал ли он газеты? Тоже не знаю. Никогда ни на какие злободневные темы мы с ним не говорили. Потому что он “читал” Книгу веков, и там откапывал (и в прямом, и в переносном смысле) такие новости, которым и сам не переставал удивляться. <...> Находясь уже в славе и почете, образ жизни он по-прежнему вел походный» [Ибрагимов, 2003]. О компромиссном поведении Окладникова, секретаря парторганизации, а затем заведующего ЛО ИИМК, в годы репрессий против археологии и смежных наук см.: [Алымов, 2009].

Была ли Ахматова лично знакома с Окладниковым и было ли ее обращение к нему за помощью письменным, на сегодняшний день неизвестно. «Свой документ Окладников вручил надежному посреднику – Надежде Яковлевне Мандельштам. <...> она привезла из Ленинграда в Москву это письмо...» [Герштейн, 1998, с. 327].

Меня, как и всех, кто мог ознакомиться с его работами, поражала удивительная свежесть его мыслей и подлинная историчность его взглядов, всегда научно обоснованных. Как мне теперь стало известно, он не прекратил своих исследований и в настоящее время.

Излишне говорить, как важно было бы вернуть этого талантливого и полезно нашей науке молодого исследователя к настоящей жизни в науке. Во всяком случае, все его работы, в том числе его кандидатская диссертация, свидетельствуют о том, что в лице Л. Н. Гумилева мы снова получили бы блестящего и подлинно советского ученого, способного внести новый и большой вклад в изучение важных исторических проблем прошлого азиатского материка.

Могу также сказать, что вместе со мной возвращению Л. Н. Гумилева к научной работе были бы рады и многие другие специалисты, которые так же, как и я, высоко ценили его дарования и с большим вниманием читали его работы.

Я прошу поэтому по возможности ускорить пересмотр дела Л. Н. Гумилева в надежде, что здесь во времена Берия могли быть допущены нарушения нашей советской законности и, во всяком случае, если и была вина, то много меньшая по объему, чем все то, что он уже перенес в заключении.

Доктор исторических наук,
лауреат Сталинской премии А. Окладников.
Ленинград 14. XII. 55⁵⁹

⁵⁹ «Окладников не знал начала пути Гумилева. <...> / Он подчеркивает, что соприкасался с Гумилевым только по ходу своих научных занятий. С большим нажимом сообщает, что многие ученые <...> разделяют его, Окладникова, мнение. “Вместе со мной возвращению Гумилева к научной работе были бы рады многие другие специалисты”, – боится себя Окладников <...> неожиданно он добавляет фразу <...> “Во всяком случае, если и была вина, то много меньшая по объему, чем все то, что он уже перенес в заключении”. <...> / Разумеется, это не Окладников что-то знал о деле Л. Гумилева, а Надежда Яковлевна. <...> в том 1935 году Лева прочел вслух стихотворение Мандельштама “Мы живем, под собою не чуя страны”, то есть политическую сатиру на Сталина. <...> следствие до помилования велось очень жестко. И в деле остался текст мандельштамовского стихотворения, записанного Левиной рукой. / А он все продолжал жаловаться в каждом письме: “Сколько же можно рассматривать пустое место?”»; Н. Я. Мандельштам «рассказывала: Окладников не решался давать Л. Гумилеву политическую характеристику и называть его невинно осужденным. “Струве 80 лет, он академик, он может, а я не могу...”» [Герштейн, 1998, с. 327–328]. На самом деле, Струве в это время было 66 лет, но Окладников был много моложе (всего на четыре года старше Льва Николаевича) и академиком еще не был.

Об отношении Гумилева к Окладникову говорит его лагерное завещание от 25 марта 1954 г. «Для оперуполномоченного или следователя». В случае своей смерти он просит не уничтожать законченную им рукопись «История Хунну», а переслать ее в Институт востоковедения: «При редакционной правке, книга может быть напечатана; авторство мое может быть опущено: я люблю нашу науку больше чем собственное тщеславие. <...> / Лучшим редактором книги в настоящее время может быть А. П. Окладников» [«И все-таки...», 2014, с. 61]. В 1955 г. друг Гумилева В. Н. Аброров прислал ему в лагерь труды Окладникова – судя по письмам Льва Николаевича, это были тома изд.: [Окладников, 1950–1955]. 27 апреля 1955 г. Гумилев писал В. Н. Абророву: «Я, сейчас, мусолом Окладникова; кое-что у него сомнительно и требует дополнения. Следующий том должен это прояснить, но уже сейчас видно о чем можно поспорить»; 3 июня: «Дорогой Вася / Я просто не знаю, как тебя благодарить! Получив вечером книгу Окладникова, я начал ее вяло перелистывать и... не мог оторваться, пока не дочитал запоем до конца. <...> Об Алексее Павло-

Отзыв (ходатайство) М. И. Артамонова⁶⁰:

виче я был всегда высокого мнения, и как об ученом и как о человеке, но такого не ждал. Скучная археология читается как роман, нет лучше, чем роман, ибо я бросил Мюссе, не дочитав, ради Окладникова. Он умница. Жаль только, что хронологически книга не доведена до н. э., но это, очевидно, будет в следующей части. Там есть материал, с помощью которого я могу пополнить пробелы моей работы и даже прибавить еще одну главу» [Гумилев, 1994, с. 120, 124].

Летом 1957 г., уже на свободе, плохо себя чувствовавший Гумилев «поехал в экспедицию на Ангару, куда его пригласил Окладников. Поехал отчасти ради денег и ради дружбы с Алексеем Павловичем»; «Юрий Кожин вспоминал, как во время Ангарской экспедиции Гумилев принял небольшой холмик с остатками горелого дерева за “остатки ритуального захоронения” и велел его зарисовать. Зарисовали, позвали Окладникова, но тот только хмыкнул: “Горелый пень” – и ушел» [Беляков, 2013, с. 362, 358]. В 1976 г., когда идеи Гумилева не встречали поддержки в академическом сообществе, он по приглашению Новосибирского университета и благодаря содействию А. П. Окладникова и антрополога В. П. Алексеева прочел в Академгородке восемь лекций, имевших большой успех [«И все-таки...», 2014, с. 107]. В 1981 г. (?) журнал «Декоративное искусство» обратился к Окладникову и Гумилеву с предложением встретиться в редакции и «обсудить судьбы древних культур Севера. Ученые согласились на встречу и прислали в редакцию предварительные ответы на <...> вопросы. Однако осенью 1981 года А. П. Окладников скончался, и встреча <...> не состоялась». В журнале были опубликованы письменные ответы [Диалог ученых..., 1982, с. 23–28].

⁶⁰ РГБ. Ф. 641. Кар. 3. Ед. хр. 9. Прилож. 2. Л. 8–10. Машинопись. Артамонов Михаил Илларионович (1898–1972) – археолог и историк, исследователь Восточной Европы от эпохи бронзы до Средневековья, основатель отечественного хазароведения, скифолог. С 1932 г. – доцент университета, с 1934 г. – профессор. В том же году за статью «Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками» Артамонову без защиты диссертации была присвоена степень кандидата исторических наук. Докторская диссертация, готовая к июню 1941 г., из-за начавшейся войны была утверждена три года спустя. С 1939 по 1943 г. Артамонов – директор Института истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР. С 1949 г. и до конца жизни – зав. кафедрой археологии университета. В 1950 г. исполнял обязанности ректора ЛГУ, но занять эту должность на постоянной основе отказался. В 1951–1964 гг. – директор Эрмитажа. «Удивителен был его талант организатора и руководителя. / <...> Заместителем директора по науке был патриарх Эрмитажа, выдающийся знаток западноевропейского искусства Владимир Францевич Левинсон-Лессинг – явление чуть ли не мифологическое по образованности <...> и таланту атрибутора старых мастеров. <...> От Левинсона-Лессинга Артамонова постоянно пытались освободить Дзержинский райком, да и горком КПСС. Нужна была его непоколебимость для защиты своей позиции – он постоянно повторял, что на международном уровне Эрмитаж может достойно представлять только Левинсон-Лессинг. / М. И. Артамонов считал генеральной задачей принципиальное наполнение всего бытия музея научной работой высокого уровня. / <...> надо выделить совершенно особое свойство его духовного склада <...> – глубина сопереживания. <...> Она заключалась в сострадании к людям, подвергшимся репрессиям. Он испытывал перед ними какое-то чувство гражданской вины “несидевшего”. Показателен список вышедших из лагерей, которых М. И. Артамонов приютил в Эрмитаже / <...> в официально торжественной атмосфере городских активов казенное единодушие неоднократно нарушалось двумя голосами – М. И. Артамонова и Д. С. Лихачева. Они протестовали против варварского разрушения церковных зданий. Особенно настойчиво отвергалась идея коренной модернизации Невского проспекта (“до-

потопного центра”), который собирались одеть в алюминий и стекло, удалось также добиться отказа от высотного (27-этажного) проекта гостиницы “Ленинград” и возведения также высотной башни-ресторана у фонтанов Петергофа. <...> Ф. Р. Козлов и секретарь обкома КПСС В. С. Толстикова специально приезжали в Эрмитаж с единственной целью – отвоевать самый большой, Николаевский зал для приемов-банкетов, а Петровскую галерею – под буфетную. М. И. Артамонов не стал обсуждать данное предложение вообще. Его ответ был предельно кратким: “Пока я директор Эрмитажа, этого не будет”. Прозвучали его слова с такой твердостью, что на том целевое посещение Эрмитажа высшим начальством завершилось. / <...> Президентом Академии художеств был избран при решающем давлении Е. А. Фурцевой В. А. Серов – “классик” соцреализма, неспособный смириться с тем, что “модернизм” (точнее, импрессионисты и постимпрессионисты) занимает почетное место в экспозиции <...> Эрмитажа и пользуется особым вниманием посетителей. / В январе 1963 г. в Эрмитаж была направлена высокопоставленная комиссия Министерства культуры и Академии художеств, возглавляемая В. А. Серовым. Через месяц М. И. был вызван на бюро обкома КПСС для отчета о выполнении московских решений. И тогда М. И. Артамонов сделал совершенно необычное заявление: “Если мне государство платит зарплату, к тому же персональную, то, вероятно, исходит из того, что я не могу допустить позора и нанести ущерб престижу и культуре. Потому единственное место, куда я могу поместить решение комиссии из полупьяных представителей, – вот эта мусорная корзина”. / <...> При Артамонове Эрмитаж был своеобразным заповедником, где в его отделах с успехом работали специалисты по официально отвергнутым направлениям творчества. Научно-художественное свободомыслие было естественной нормой. В те же годы он оказался убежищем для молодых, еще только рождавшихся художников, индивидуальность которых оказалась несовместимой с канонами соцреализма. Они (назовем хотя бы ныне известных М. М. Шемякина, В. А. Овчинникова) числились по хозяйству. Эпизодически в музее открывалась небольшая внутренняя выставка живописных работ самих эрмитажников. Ее основу составляли полотна реставраторов живописи. Попадали сюда и отдельные полотна “такелажников”. / Выставка 1964 г. <...> существовала <...> всего один день. В райком от начальника охраны Эрмитажа М. С. Гавриленко поступил сигнал об идеологической диверсии. / Впрочем, Артамонов непосредственно к этой истории не имел никакого отношения. Он находился в отпуске. Выставку осмотрел и разрешил В. Ф. Левинсон-Лессинг. Следовательно, появилась возможность по крайней мере сместить зам. директора, которого ценил Артамонов, и попытаться посадить на это место “нужного” человека. / Однако Артамонов, стремясь любой ценой сохранить Левинсона-Лессинга для Эрмитажа, заявил, что сам, лично как директор, несет полную ответственность за все происходящее в Эрмитаже, в том числе и за эту выставку. / <...> Наконец официально сообщили – партийное решение о снятии М. И. с поста директора принято. <...> Заполненный до отказа театр, заняты все ступеньки. Зачитывается краткий, в полстраницы, без всяких аргументов текст решения. А затем – непрерывный поток выступлений самых авторитетных эрмитажников, сердечно вспоминающих работу под руководством директора и благодарящих его за все <...>, что он сделал для музея. В уже бывшего директора не был брошен ни один камень. <...> Последнее, очень короткое слово растроганного М. И. <...>: “Благодарю вас за счастливые годы, которые мне довелось работать с вами. Признателен вам за вашу душевную щедрость. И эти узы дружбы и сотрудничества нельзя разорвать никакими приказами”» [Столяр, 2011].

Копия
ОТЗЫВ
О Л. Н. ГУМИЛЕВЕ

Л. Н. Гумилева знал давно, с 1935 г., когда он участвовал в руководимых мною Саркелской и Маньчской археологических экспедициях⁶¹. Он был тогда студентом ЛГУ. В эти же годы определился его интерес к истории тюркских кочевых народов, и он довольно часто консультировался со мной по вопросам, занимавшим его исследовательское внимание. Им была написана работа «О порядке престолонаследия у тюрков тю-кю»⁶², представляющая значительный научный интерес, особенно по сходству этого порядка с известным у русских князей удельного периода.

В 1938 (?) г. Л. Н. Гумилев был репрессирован и исчез из моего поля зрения до 1945 г., когда он вернулся из армии по демобилизации с огромной жадностью вновь заняться научной работой. Очень быстро сдал государственные экзамены, а затем кандидатский минимум, Л. Н. Гумилев успешно защитил диссертацию на степень кандидата исторических наук. Представленная им работа «Политическая история тюрков тю-кю»⁶³ обладает весьма высокими научными качествами и свидетельствует о незаурядном даровании автора и о его блестящих знаниях в области выбранной специальности. В ней в полной мере сказалась и хорошая лингвистическая подготовка Л. Н. Гумилева. Помимо знания западноевропейских языков, он обнаружил владение иранским и тюркскими языками, а в приложении к своей работе он дал прекрасный стихотворный перевод большого отрывка из «Шах-наме»⁶⁴. В 1947 г. Л. Н. Гумилев участвовал в Юго-Подольской археологической

⁶¹ В Маньчской археологической экспедиции (Ростовская область, курганы медно-бронзовой эпохи) Гумилев участвовал в 1935 г. О ней: [Артамонов, 1937]. В Саркелской экспедиции Гумилев принимал участие в 1936 г. «Литература о хазарах была огромной, но не давала ответа на многие вопросы, а особо на главный – где? Задолго до Л. Н., еще до войны, хазарами начал заниматься М. И. Артамонов – учитель и друг Л. Н. В 50-х гг. он раскопал крепость Саркел на Дону, считая ее хазарской; до хазар здесь были аланские поселения, а после них – русский город Белая Вежа. Саркел позже был поглощен водами Цимлянского водохранилища» [Вспоминая Л. Н. Гумилева..., 2003, с. 246–247].

⁶² «Это были предки этноса “тюрк”. <...> В XIX в. их называли по-китайски “ту-кю” – тюркют, по-монгольски» [Гумилев, 1998, с. 186]. По-видимому, речь идет о первой научной работе Гумилева – о статье 1936 г., опубликованной в 1959 г. под названием «Удельно-лествичная система у тюрков VI–VII вв.» [Гумилев, 1959].

⁶³ Окончательная формулировка темы – «Политическая история первого Тюркского каганата».

⁶⁴ «Шах-наме» («Шахнаме») – «Книга царей», свод эпических преданий иранских народов, многотомная поэма, начатая рано умершим персидским поэтом Дакики (вторая половина X в.), продолженная и завершенная персидским поэтом Абулькасимом Фирдоуси (ок. 934 (940?) – 1020), работавшим над ней в течение 30 лет. Выполненные Гумилевым переводы фрагментов из этой поэмы см. в изд.: [Гумилев, 2004, с. 327–354].

экспедиции, опять под моим руководством ⁶⁵, а в следующем году – в экспедиции С. И. Руденко ⁶⁶ на Алтай для раскопок знаменитых Пазырыкских курганов ⁶⁷.

⁶⁵ В Юго-Подольских археологических экспедициях (изучавших древние поселения – трипольские, скифские, славянские – в Южной Подолии Винницкой области) Гумилев принимал участие в 1946 и 1947 гг. О них см.: [Артамонов, 1946; 1947].

⁶⁶ Руденко Сергей Иванович (1885–1969) – археолог, этнограф, антрополог, гидролог, автор более 140 научных работ (книг и статей). Действительный член Императорского русского географического общества (1911), член Парижского антропологического общества (1914). В 1919–1921 гг. – профессор кафедры географии Томского университета, с 1921 г. – профессор кафедры антропологии и этнографии физико-математического факультета Петроградского университета, одновременно – заведующий этнографическим отделом Русского музея и т. д. Руководил Забайкальской, Алтайской, Казахстанской и Башкирской экспедициями. В 1928–1930 гг. возглавлял Башкирскую комиссию АН СССР. В 1930 г. был арестован по так называемому «Академическому делу». В показаниях Руденко не было компромата ни на себя, ни на других, тем не менее он был приговорен к десяти годам заключения как «член контрреволюционной организации, ставившей своей целью свержение Советской власти и восстановление монархического строя». В 1931 г. был направлен на строительство Беломорско-Балтийского канала. Первое время работал на лесозаготовках, в дальнейшем – как гидролог. В 1934 г. был досрочно освобожден. Затем занимал должность руководителя группы гидрологии и т. п. Ленинградского бюро Белбалткомбината НКВД, его работы имели большое практическое и научное значение. В начале 1940-х гг. вернулся к своим доарестным научным темам. Во время блокады вел в Ленинграде работу по сохранению коллекций Музея антропологии и этнографии. Продолжал научную деятельность в условиях эвакуации. По возвращении в Ленинград занимался археологическими и этнографическими проблемами. С 1947 г. возобновил на Алтае раскопки Пазырыкских курганов, начатые им еще в 1920-е гг. Эти раскопки принесли ему мировую известность. Находки экспедиций Руденко экспонируются в Эрмитаже. В начале 1950-х гг. Руденко возглавил новое направление: начал разрабатывать и внедрять в археологическую практику методы естественных и точных наук. Под его руководством в Ленинградском отделении Института археологии была создана лаборатория археологической технологии. В 1957 г. он был избран председателем Отделения этнографии Всесоюзного географического общества. В 1965 г. Географическое общество присудило ему золотую медаль имени П. П. Семенова-Тян-Шанского. Руденко продолжал заниматься наукой до последних дней жизни [Кирюшин и др., 2004, с. 9–20; Тишкин, Шмидт, 2004, с. 21–29].

⁶⁷ Гумилев писал в некрологе Руденко: «В 1924 г. С. И. Руденко ехал верхом через перевал от Телецкого озера к р. Катунь и увидел 5 больших курганов. Ему сразу же пришла в голову мысль, что на такой большой высоте условия сохранности должны быть иными, чем в долинах. В 1929 г. раскопками была обнаружена вековая мерзлота, в которой сохранились дерево и кожа, трупы лошадей и тела людей, покрытые татуировкой. Это был Пазырык – самое блестящее открытие советской археологии. <...> / С. И. Руденко не смог довести раскоп до конца. Судьба бросила его в Карелию. Первая публикация замечательного открытия была подписана другим именем, и только после Великой Отечественной войны С. И. Руденко вернулся к любимой науке. В 1947 г. он начал раскоп 2-го Пазырыкского кургана, в 1948 г. были раскопаны 3-й и 4-й курганы и начаты раскопки 5-го кургана, законченные в 1949 г. <...> / Публикация и датировка находок С. И. Руденко произвели переворот в представлениях ученых о значении культуры Срединной Азии. Оказалось, что не только оседлые народы Средиземноморского бассейна были в состоянии создавать шедевры искусства. И не у китайцев заимствовали древние насельники Алтая стиль, эстетику и технику. Культура кочевников I тыс. до н. э. была самобытна...» [Гумилев, 1970а, с. 92].

В экспедиции под руководством Руденко Гумилев был в 1948 г. По-видимому, именно с этого времени начались их дружеские отношения и сотрудничество. В 1949 г. Руденко с Артамоновым способствуют приему Гумилева на работу старшим научным сотрудником в Музей этнографии. Находясь в последнем заключении, Гумилев читает книгу Руденко, присланную ему Ахматовой (была ли Ахматова лично знакома с археологом, неизвестно). 16 октября 1953 г. Гумилев пишет матери: «...книгу Руденко очень хочу», а 5 февраля 1954 г.: «...благодарю тебя за посылку и книгу Руденко. Я ее прочел с удовольствием и даже сообразил, как можно уточнить датировку. Дело в том, что Сергей Иванович представления не имеет о Китае, а я здесь прослушал курс древней истории и философии Китая от ученого китайца и с полной уверенностью могу утверждать, что эти курганы насыпаны не в V в. до н. э., а в III в. н. э.» [«Миляя...», 2007, с. 141, 142]. Возможно, речь идет о [Руденко, 1952] или [Руденко, 1953]; «В библиотеке Гумилева находятся обе книги» [«Миляя...», 2007, с. 141]. Если, говоря о датировке, Гумилев имеет в виду Пазырыкские курганы, то на сегодняшний день их чаще всего датируют IV–V вв. до н. э. (иногда более обтекаемо – второй половиной I тыс. до н. э.). Сам Гумилев к «лагерной» датировке впоследствии не возвращался. Видимо, прислать какую-то из книг Руденко Гумилеву предлагала и Н. В. Варбанец, которой он ответил 19 февраля 1955 г.: «Руденко мене <так в письме> не надо: он не напишет того, что мне интересно, ибо в этом не смыслит. Он в другом силен. Мне нужно сейчас про Парфию, Греко-Бактрию, Согдиану, но таких книг ты не достанешь, равно как и истории Китая в I тыс. н. э.» [«И зачем...», 2005, с. 71].

Через два года после освобождения, в 1958 г., Гумилев стал заместителем председателя Отдела этнографии Географического общества, председателем был Руденко. У Гумилева и Руденко было много общего в научных интересах и методике. Ими совместно написана работа: [Руденко, Гумилев, 1966]. Когда среди ученых шли споры по поводу книги Гумилева «Хунну», Руденко выступил с докладом в ее защиту: «Л. Н. Гумилев подошел к постановке и решению вопроса не как востоковед-филолог или археолог, а как историк, базирующийся на знании всемирной истории. Он рассматривает историю хуннов как компонент общего всемирно-исторического процесса. Этот подход, безусловно, оправдан, так как многоязычие источников по центрально-азиатским проблемам исключает возможность использования их в подлиннике одним исследователем. Необходимый охват мог быть достигнут лишь путем прямого сопоставления фактов, уже установленных и опубликованных на европейских языках, так как подавляющее большинство восточных текстов было неоднократно переведено и прокомментировано, сведения же эти до сих пор не были сведены в стройную систему. Книга Гумилева ставила перед собой именно эту задачу. <...> Те разногласия, которые обнаружились при оценке книги Л. Н. Гумилева, говорят только о том, что в истории хуннов остается еще немало нерешенных или недостаточно освещенных вопросов, подлежащих дальнейшему изучению. <...> В дискуссии четко выявились две точки зрения: одна, выдвинутая филологами и, как это ни странно, некоторыми из археологов, и другая, защищавшаяся историками. Филологи отрицали самую возможность осмысления событий в том случае, если исследователь ознакомился с этими событиями не по первоисточникам, а по их переводам. <...> Историки, возражая филологам, правильно отметили, что принципиальная сторона спора не столько в оценке книги “Хунну”, сколько в принципе исторического синтеза. <...> при помощи его написаны все обобщающие исторические работы, и Л. Н. Гумилев просто применил его к истории Центральной Азии, чем заполнил один из пробелов во всемирной истории. Частные поправки, даже если они справедливы, возможны лишь после того, как написано обобщающее исследование, и, следовательно, являются дополнением к нему» [Руденко, 1965]. В предисловии к «историческому трактату» Гумилева «Поиски вымышленного царства» Руденко вновь разъясняет и высоко оценивает его метод: «В смысле быстроты получения надежного результата он относится к существующим методам, как алгебра к арифметике. <...> / Он вкратце может быть охарактеризован как применение исторической дедукции к на-

Живя случайными, главным образом литературными заработками⁶⁸, в 1949 г. Л. Н. Гумилев получил, наконец, штатную должность в Музее антропологии и этнографии АН СССР. Казалось, что теперь он без помех может отдаться любимому делу и осуществит свои большие замыслы в области изучения истории Центральной Азии. Однако в 1949 г. Л. Н. Гумилев исчез, и я, до сих пор не получая о нем никаких известий, думал, что его нет уже в живых.

Я хорошо знаю Л. Н. Гумилева, знаю его неуравновешенный, впечатлительный характер, знаю его настойчивость и склонность к беспорядочному образу жизни⁶⁹ и тем не менее считаю его порядочным, честным человеком, лояльным советским гражданином.

Несмотря на трагический конец его отца, на несчастья, обрушившиеся на его мать⁷⁰, на многие несправедливости, допущенные к нему лично, Л. Н. Гумилев не

копленному материалу в отличие от общепринятого индуктивного метода. / Последний метод, безусловно, необходим и хорош, когда речь идет о накоплении материала. Но он оказывается бессильным при создании обобщенной исторической картины, особенно тогда, когда имеющиеся в распоряжении науки источники немногочисленны и разрозненны. <...> / Л. Н. Гумилев <...> получил данные, которые имеют значение не только для истории, но и для этнографии, археологии, физической географии, почвоведения, климатологии. <...> <Книга> содержит в себе синтез данных целого ряда наук, являясь необходимой ступенью к созданию синтетической науки, которую можно называть этнологией» [Гумилев, 1970б, с. 5–6]. После смерти Руденко Гумилев посвятил ему некролог и статью. «Нет такой области в отечественном народоведении, где бы не цитировались работы С. И. Руденко. И мало таких отраслей этнографической науки XX в., где бы имя С. И. Руденко не стояло во главе нового творческого направления. <...> / Отличительной чертой методики С. И. Руденко было умение ломать перегородки между отдельными научными дисциплинами и охватывать предмет изучения сразу со многих сторон» (Гумилев Л. Н. С. И. Руденко и современная этнография аридной зоны Евразийского континента; см. [Гумилев, 1998, с. 463–464]). «...Главными стимулами работы С. И. Руденко были два качества: искренность и бескорыстие. Если ученый любит науку в себе, а не себя в науке, то творческий успех всегда будет обеспечен. / Сергей Иванович собственным примером доказал, что от науки ничего нельзя ни ждать, ни требовать. Она одаривает своих рыцарей более щедро, чем может представить самая пылкая фантазия. Она дает им бессмертное существование, и до тех пор, пока на книги С. И. Руденко будут появляться сноски в научной литературе, – он жив» [Гумилев, 1970а, с. 92–93].

⁶⁸ Неясно, что Артамонов подразумевает под литературными заработками Гумилева в 1945–1949 гг. Стихи Гумилева не публиковались, перевод фрагмента из «Шах-наме» также. Литературными переводами для заработка в этот период Гумилев, насколько известно, не занимался. Он работал пожарным в ИВАНе, библиотекарем в психиатрической больнице, ездил в экспедиции.

⁶⁹ Под «беспорядочным образом жизни», по-видимому, Артамонов подразумевает то, что описано биографом в главе «Гумилев и его дамы» [Беляков, 2013, с. 217–223]. «...В ноябре 1945-го у него появилась своя комната, и Гумилев, по словам ревновавшей его Эммы, начал водить к себе “кого попало <...>” <...> / Гумилев тогда часто кем-нибудь увлекался: “Очередная Левина приходимая крошка”, – говорила Анна Ахматова. <...> “У Левы постоянно девки”, – жаловалась она...» [Там же, с. 217–218].

⁷⁰ Об Артамонове и Ахматовой: «А одним вечером, как-то во время затянувшегося чаепития (М. И. завершил работу над рукописью) он предался отрывочным воспоминаниям о петроградской молодости. И я тогда узнал, что в ту пору он был, по его словам, третьеразрядным поэтом <...> Мечтательно тепло, как самое светлое время своей жизни, вспоминал период НЭПа – небольшие уютные “забегаловки” на Миллионной, где было принято

душевно, без оглядки общаться с друзьями, обсуждая и научные, и поэтико-художественные темы. Из поэтов этого круга особенно выделял Владимира Казимировича Шилейко, тогдашнего мужа Анны Ахматовой. Об ее же стихах (разумеется, имея в виду творчество той же поры) отзывался более сдержанно. «А потом нас загнали каждого в отдельную норку, страхом разрушили наше естественное содружество. И стали мы одиночками»...» [Столяр, 1997, с. 49]. «Интерес М. И. Артамонова к древнему и современному искусству, классике и современной литературе и его знания по этим вопросам всегда влекли к нему молодых и не очень молодых единомышленников. Он много читал, любил стихи (в молодости сам писал и печатался), всегда имел свое мнение о прочитанном и довольно откровенно делился им с собеседниками. Причем существенно, что читал он далеко не только то, что печаталось в наших процензурных журналах, но и рукописный “Архипелаг ГУЛАГ”, и “Реквием”, и вышедшего за рубежом “Доктора Живаго” и многое другое» [Плетнева, 1998, с. 211].

Ахматова и Артамонов, судя по пересказу А. Д. Столяром слов его учителя, могли быть знакомы с 1920-х гг.: у них была общая литературная среда. Могла их свести и среда востоковедческая: с 1921 по 1924 г. Артамонов учился, а затем работал в Ленинградском университете на отделении археологии и истории искусств, где с 1922 г. преподавал Шилейко; после окончания университета Артамонов стал сотрудником ГАИМК (Академии материальной культуры), где Шилейко с 1922 г. был заведующим разрядом археологии Древнего Востока; ГАИМК находился в Мраморном дворце, в служебном флигеле которого Шилейко получил квартиру, где с конца 1924 по 1929 г. периодически жила Ахматова. Но точных сведений о раннем общении Ахматовой и Артамонова нет. Что касается эпистолярной истории, то она не обязательно подразумевает личное знакомство. В 1939 г. Ахматова ссылается на оценку научной деятельности сына Артамоновым и Струве в письме Сталину, в 1954 г. – на оценку Артамоновым и Кюннером в письме Ворошилову. Теперь, в 1955 г., Ахматова решила попросить Артамонова об отзыве. Герштейн: «В <...> декабре Анна Андреевна просила меня поехать в Ленинград к профессору М. И. Артамонову, тогда директору Эрмитажа, хорошо знавшему Леву со времен его юности: он брал его с собою на археологические раскопки. Анна Андреевна давно стремилась обратиться к Артамонову, но ее всегда энергично отговаривала от этого ММ: “он коммунист, и ему неудобно”. Но теперь характеристика Левы, написанная Артамоновым, была необходима Ахматовой, и вот почему. <...> Анна Андреевна желала получить подобное письмо от М. И. Артамонова, потому что он хорошо знал ее сына и как человека и как ученого. Аттестация Льва Николаевича была нужна Анне Андреевне не только в интересах дела, но и для удовлетворения душевной потребности: она неоднократно мне жаловалась, что за ее спиной о ней говорят, как о несчастной матери никудышнего сына, а Леву представляют чуть ли не уголовником. / <...> я поехала в Ленинград, к Артамонову. Прочитав письмо Ахматовой, он долго молчал, прежде чем выговорил: “Я очень рад, что Лев жив. Я считал его погибшим”. Он написал вдумчивую и пространную характеристику Льва Николаевича, ходатайствовал о пересмотре его дела и оформил эту бумагу официально, беря на себя ответственность за каждое свое слово. / Я вернулась домой в конце декабря 1955 года. Все три бумаги (Артамонова, Струве и Окладникова) были немедленно отнесены мною в Военную Прокуратуру для присоединения к делу Л. Гумилева. Разумеется, я сняла с них копии, так как Анна Андреевна обязательно хотела познакомить с ними всех, кто принимал участие в хлопотах» [Герштейн, 1998, с. 61–62]. К сожалению, усилия по поиску письма Ахматовой Артамонову на сегодняшний день не увенчались успехом. Все же свидетельство о знакомстве Ахматовой и Артамонова существует, это устный рассказ А. Г. Каминской: «А. А. по приглашению М. И. Артамонова присутствовала в Эрмитаже на заседании, посвященном 50-летию со дня смерти П. Сезанна. После заседания к ней и И. Н. Пуниной подошла А. Н. Изергина и сказала: “Нет того единственного человека <Н. Н. Пунина>, который мог по-настоящему сказать о Сезанне”» [Черных, 2016, с. 606–607]. Без сомнения,

озлобился и не стал врагом Советской власти. Наоборот, он отчетливо понимал логику событий, историческую закономерность социалистического строительства и сочувствовал успехам социализма. Л. Н. Гумилев упорно боролся с остатками индивидуализма и волюнтаризма, воспринятых им в юношестве, и полностью понимал и принимал учение диалектического материализма, хотя и не терпел схоластики и начетничества.

Встречая подозрительное к себе отношение, Л. Н. Гумилев нередко реагировал на него по-ребячески, показывая себя хуже, чем есть. Отличаясь острым умом и злым языком, он преследовал своих врагов насмешками, которые вызывали к нему ненависть⁷¹. Обладая прекрасной памятью и обширными знаниями, Л. Н. Гумилев нередко критиковал, и притом очень остро, «маститых» ученых, что также не способствовало спокойствию его существования⁷². Л. Н. Гумилев никогда не был сторонником теории Н. Я. Марра⁷³ и никогда не упустил случая

личное приглашение означало и общение. В записной книжке Ахматовой 1958 г. между записью стихов из посвященного сыну цикла «Черепки» (1930-е, 27 июня 1958) и набросками Седьмой «Северной элегии» («Последнее слово подсудимой», 3 июня 1958) – черновая запись дарственной надписи: «Михаилу Илларионовичу Артамонову / в знак уважения и благодарности» [Записные книжки..., 1996, с. 16]. В это время она ожидала выхода сборника своих стихов, 18 июля он был подписан к печати [Черных, 2016, с. 631], а вышел только в ноябре (Ахматова А. А. Стихотворения. М.: ГИХЛ, 1958). По-видимому, дарственная надпись была продумана заранее. Впрочем, возможно, она предназначалась для переиздания книги ахматовских переводов «Корейская классическая поэзия» (М.: Гослитиздат, 1958). Об Ахматовой и Артамонове см. также: [Тименчик, 2021, с. 378–379].

⁷¹ Ср. воспоминания М. Л. Козыревой, присутствовавшей на защите Гумилевым кандидатской диссертации 28 декабря 1948 г.: «Когда зачитывали биографическую справку, то каждый ее пункт производил впечатление разорвавшейся бомбы: и кто папа, и кто мама, и откуда приехал, и место работы... / <...> оппоненты стали возражать. <...> Он так мастерски отражал все их возражения, что казался Сирано де Бержераком, разящим меткими ударами шпаги любого противника. Помню, Лев Николаевич утверждал, что Тамерлан и какой-то еще восточный деспот жили в разное время, а его оппонент говорил, что – в одно, и в качестве доказательства ссылался на то, что их имена выбиты в хвалебных записях на одной скале. На это Лев Николаевич, не моргнув глазом, ответил: “Уважаемый оппонент не заметил там еще одной записи: “Вася + Люба = любовь””. И все. Гомерический хохот» (Козырева М. Л. Лев и Птица; см. [Вспоминая Л. Н. Гумилева..., 2003, с. 159]); имя Тамерлана Козырева назвала по ошибке вместо Бумын-кагана или Истеми-хана [Беляков, 2013, с. 212].

⁷² «“Ученые сажали ученых”, – говорил <...> Лев Николаевич. Действительно, сотрудники ИВАНА написали на Гумилева несколько доносов, где обвиняли в нескольких “преступлениях”: Гумилев аполитичен; он не владеет марксистско-ленинской методологией; Гумилев не согласен с постановлением партии “по поводу ахматовщины”» <...> / В ИВАНЕ ценили субординацию и не терпели выскочек. Гумилев настроил против себя не одного Боровкова (зам. директора ИВАНА, члена партии, тюрколога. – О. Р.). Донос написал, например, ученый секретарь сектора монгольской филологии Пучковский и зам. секретаря партбюро Салтанов. <...> / Гумилев оказался в споре и с монголоведами (Козин, Пучковский), и с тюркологами (Бернштам, Боровков)» [Там же, с. 203, 207, 208].

⁷³ Марр Николай Яковлевич (1864–1934) – грузинский, российский и советский археолог и лингвист, академик Императорской академии наук, академик и вице-президент АН СССР. «Марр был полиглотом, но ни разу в жизни не прослушал ни одного теоретического курса по языковедению. <...> но тем не менее его тянуло к широким и далеко идущим построениям, которые он не мог доказать. / В характере Марра было немало качеств, необхо-

вступить в полемику с марристами, что, при господстве марризма в нашей науке, создало ему репутацию человека с антисоветской направленностью. Особенно острыми были столкновения Л. Н. Гумилева с его официальным руководителем акад. Козиным⁷⁴ и с проф. А. Н. Бернштамом, которых он неоднократно уличал в грубых фактических ошибках⁷⁵.

димых для крупного ученого, – большие природные способности, обширные знания, огромная работоспособность, увлеченность делом, убежденность в правоте своих идей, стремление к обобщениям, интерес к междисциплинарным исследованиям <...> / Однако все эти качества обесценивались полным отсутствием чувства меры и самокритичности. <...> / Еще до революции он объявил о существовании так называемой яфетической семьи языков, куда включил чуть ли не все языки Средиземноморья и Передней Азии, чьи родственные связи не были в то время выяснены. Эта гипотеза еще была в пределах теоретически возможного, но о степени научности ее разработки говорит уже то, что в число яфетических Марр безапелляционно включил нерасшифрованный этрусский язык и пеласгский язык, о котором тогда не знали ничего, кроме названия» [Алпатов, 1990, № 11, с. 65]. См. также книгу: [Алпатов, 1991]. С 1920-х гг. «яфетическая теория» (по имени Иафета, сына Ноя) обрела известность как «новое учение о языке». «Примерно с 1927–1928 годов Марр начал обильно уснащать свои сочинения цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина, а затем и Сталина, обычно никак не относящимися к делу, и заявлять о “пролетарском” характере своих идей. <...> при поддержке руководящих деятелей Марр начал захватывать власть в языкознании. / <...> идеи Марра вполне соответствовали духу двадцатых годов эпохи “великих свершений” и еще более великих надежд, порождавшей ощущение возможности и близости всего, казавшегося невероятным. В это время идеи Марра о полном отказе от старой науки и замене ее новой, его рассмотрение всех явлений “в мировом масштабе” (любимая присказка Марра), без национальных границ, постоянная апелляция к народным массам и угнетенным национальностям, его постоянные заявления о будущем всемирном языке, близкое создание которого тогда казалось многим актуальной задачей – все это не могло не привлекать многих. / <...> Марр, как говорится, умер в своей постели <...> и был торжественно похоронен в некрополе Александро-Невской лавры. Массовые репрессии в том же, 1934 году, а затем в 1937–1938 годах обрушились на головы других лингвистов. Погибли многие ученые из числа тех, кто не принимал “новое учение о языке” и с той или иной последовательностью выступал против него» [Алпатов, 1990, № 11, с. 65–69]. Марр привлекал интеллигенцию, включая и некоторых профессиональных лингвистов. Но в 1950 г. Сталин, до того насаждавший учение Марра как подлинно марксистское языкознание, выступил в печати с его резкой критикой. По словам вождя, «Н. Я. Марр действительно хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом. Он был всего лишь упростиателем и вульгаризатором марксизма...» [Сталин, 1950, с. 4]. «Начались новые проработки и покаяния. Недавние гонители превратились в гонимых и наоборот, хотя многие лингвисты и здесь сумели сохранить достоинство» [Алпатов, 1990, № 12, с. 70]. Об этой кампании см., наприм.: [Альмов 2009].

⁷⁴ Козин Сергей Андреевич (1879–1956) – монголовед, академик АН СССР (1943). Известен, в частности, переводом на русский язык произведений эпоса: монгольской «Гэсэриады» (1935) и калмыцкой «Джангариады» (1940). О нем: [Михайлов, 1980]; Филиппов Б. Всплывшее в памяти, см. [Новый журнал, 1988, с. 242]. Воспоминания Филиппова об «одном из редчайших в России людей, по самой натуре своей принадлежавших к европейскому Ренессансу», приведены также в заметке «Козин Сергей Андреевич» в публ.: [Тименчик, 2013, с. 151–152].

В 1946 г., когда Гумилев поступил в аспирантуру ИВАН, Козин был назначен в ИВАН заведующим сектором монгольской филологии. «Официальным научным руководителем Гумилева стал академик Сергей Андреевич Козин, который вошел в историю

науки своим переводом “Сокровенного сказания”, важнейшего источника по истории монголов и биографии Чингисхана. <...> Козин, тогда советский монголовед № 1, был человеком, необходимым Гумилеву, а потому Лев попытался с ним подружиться. / Повод для сближения появился скоро» [Беляков, 2013, с. 202]. О поводе известно из доноса на Гумилева Л. С. Пучковского от 20 января 1947 г.: «Будучи человеком в высшей степени хитрым, изворотливым, не брезгающим никакими средствами и приемами для достижения своих целей, Л. Н. Гумилев очень ловко использовал момент защиты Р. Э. Рыгдылоном (весной 1946) кандидатской диссертации, пригласив его устроить небольшой ужин и чаепитие на квартире своей матери А. Ахматовой. Были приглашены и присутствовали академик В. В. Струве и академик С. А. Козин. При этом внимание обоих академиков было обращено главным образом на хозяйку, А. Ахматову, которая читала свои произведения, и на Л. Н. Гумилева, которого академик В. В. Струве превозносил до крайней степени. С. А. Козин не мог не соглашаться. Очень хитро задуманный “вечер” имел целью укрепить дружеские отношения и покровительство обоих академиков “Левушке”, который на этом “вечере” был подлинным героем дня, а вовсе не диссертант, сидевший на противоположном конце стола, вдали от академиков, хозяйки дома и “Левушки”, поместившихся вместе на другом конце. Несомненно, что успех “Левушки” был полный, диссертант же мало кого интересовал. / Необходимо разъяснить доверчивым товарищам “научную” и всякую иную сущность Л. Н. Гумилева. Единственным выходом является отчисление Л. Н. Гумилева из аспирантуры» [Шенталинский, 2007, с. 367–368]. «Но хуже всего была ссора с Козиним. Л. Н. об этой ссоре никогда и нигде не упоминал...» [Беляков, 2013, с. 207]. Кроме отзыва-рекомендации Артамонова, отзыв этой ссоры слышен в записи Ахматовой конца 1962 г.: «...сына <...> начали гнать из аспирантуры Ак<адемии> н<аук> (под руководством Боровкова и Козина), причем было ясно, что беда во мне» [Записные книжки..., 1996, с. 265].

⁷⁵ Бернштам Александр Натанович (1910–1956) – доктор исторических наук (1942), профессор Ленинградского университета, заслуженный деятель киргизской науки. «...Один из наиболее видных историков-археологов Средней Азии. / <...> К началу 30-х годов археология Средней Азии в целом, и в частности археология кочевых народов, была в самом зачаточном состоянии. Александру Натановичу выпало на долю стать одним из пионеров в разработке археологической целины на огромных неисследованных пространствах степей Казахстана и Киргизии, горных районов Тянь-Шаня, Алтая, Памира и Ферганской долины. <...> / Александр Натанович не удовлетворялся только фиксацией и описанием новых памятников. С неутомимой энергией и настойчивостью он стремился дать новым памятникам историческую интерпретацию, привлекая все имеющиеся источники, в том числе и такие трудные, как китайские и древнетюркские памятники письменности, которыми он пользовался в оригинале. / Одной из наиболее важных черт в научном облике Александра Натановича было постоянное стремление к широким обобщениям, к постановке крупных историко-теоретических проблем. В этом была, несомненно, сильная сторона его дарования, хотя он не избежал и ряда увлечений социологизаторского порядка. / Александр Натанович был одним из первых, кто с позиций марксизма подошел к рассмотрению многих основных вопросов исторического прошлого народов Средней Азии и Востока в целом. / <...> А. Н. Бернштам, прошедший славный путь комсомольца, был принят в 1940 г. в Коммунистическую партию. Он вел большую общественно-политическую работу. / Любовь к науке Александр Натанович привил и своим ученикам, он увлекал их романтикой научного труда...» [Некролог..., 1973, с. 289–290]. «Много лет А. Н. Бернштам читал на кафедре археологии ЛГУ специальные курсы “История тюркских племен и народов” и “Археология Средней Азии”. <...> А. Н. Бернштам разворачивал перед слушателями широкое полотно сложной, запутанной истории тюркских народов, <...>, заставляя слушателей быть активными участниками дискуссии по различным вопросам древней истории <...> / О широте научных интересов А. Н. Бернштама свидетельствует и то, что сре-

ди его учеников есть не только археологи, но и тюркологи, и этнографы. Большое внимание уделял он подготовке кадров для Среднеазиатских республик. / Особенно следует подчеркнуть, что А. Н. Бернштам никогда не “монополизировал” материалы экспедиций, привлекая своих учеников к их публикациям и исследованию. Для его экспедиции была характерна товарищеская непринужденность, атмосфера необычайного энтузиазма, стремление преодолеть все трудности (а их в 40–50-ые годы было немало). / А. Н. Бернштам умер в 1956 г. в возрасте 46 лет, пережив в начале 50-х годов несправедливое отношение к себе как к ученому. Его обвиняли в “пантюркизме”, за теории объективно прогрессивной роли гуннов назвали “апологетом захватнических войн”. За призыв, уже после разгрома И. В. Сталиным Н. Я. Марра и его школы (а А. Н. Бернштам принадлежал к этой школе), сохранить все полезное в учении Н. Я. Марра объявили “подпольным марристом”. А. Н. Бернштам был отстранен от преподавания на кафедре археологии ЛГУ, лишен права иметь учеников, возглавлять экспедиции. Уже стоял вопрос и об изгнании его из Института истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии). Но смерть Сталина положила конец очередной “охоте на ведьм”. А. Н. Бернштам мог возвращаться к научной жизни, но жить оставалось уже немного. В 1956 году, уже будучи тяжелобольным, он возглавляет свою последнюю экспедицию на Памир...» [Блестящие..., 2019]. См. также: [Заднепровский, 1960]; др.

«Сфера научных интересов Бернштама была ближе всего к интересам Гумилева. <...> Но их встреча окончилась катастрофой. Почти полвека спустя Гумилев будет так рассказывать о ней: «Александр Натанович Бернштам... начал разговор с предостережений, сказав, что самое вредное учение по этому вопросу сформулировано “евразийством”, теоретиками белоэмигрантского направления, которые говорят, будто настоящие евразийцы, то есть кочевники, отличались двумя качествами – военной храбростью и безусловной верностью. И на этих принципах <...> они создавали великие монархии. Я ответил, что <...> это сказано очень умно и дельно. В ответ я услышал: “У вас мозги набекрень. Очевидно, вы такой же, как они”. Сказав так, он пошел писать на меня донос. Вот с этого и началось мое знакомство с евразийством и <...> Бернштамом...” / Трудно сказать, насколько рассказ Гумилева соответствовал истине <...> Несомненно одно: встреча <...> привела к ссоре, что не удивительно: оба <...> были людьми чрезвычайно экспансивными и резкими» [Беляков, 2013, с. 118–119]. В 1946 г. «Гумилев успешно защитил дипломную работу, хотя рецензировал ее не кто иной, как А. Н. Бернштам» [Там же, с. 202]. Ср. воспоминания присутствовавшего на защите диплома историка Р. Ш. Ганелина: «...особенно поразивший меня отзыв А. Н. Бернштама о работе Л. Н. Гумилева, пришедшего в университет из армии, в которую он попал прямо из лагеря. Бернштам был решительно не согласен с его работой, но дал ей высочайшую оценку» [Ганелин, 2004, с. 56]. Бернштам был также одним из двух оппонентов на защите Гумилевым кандидатской диссертации в 1948 г.: «Он сделал мне 16 возражений, из которых два считал самыми злобными: незнание восточных языков и незнание и неупотребление марксизма. Я ответил ему по 16-ти пунктам, в том числе я говорил с ним по-персидски, на что он не мог ответить; я приводил ему тюркские тексты, которые он плохо понимал, гораздо хуже меня. Я рассказал свою концепцию в духе исторического материализма и спросил моих учителей, насколько они согласны. Привел цитату из его работы, где было нарушение всякой логики и, когда он запротестовал с места, я попросил принести журнал из библиотеки, чтобы проверить цитату. / 15 голосов было за меня, один – против. Это было для меня совершеннейшее торжество, потому что с этими академическими деятелями я устроил избивание младенцев, играя при этом роль царя Ирода» [Гумилев, 2003, с. 11–12]. «Биографы Гумилева представляют Бернштама злым гением, который много лет гнобил Л. Н. и даже писал на него доносы. <...> Но откуда Лавров и Ефремов знали о доносах Бернштама? Только от самого Гумилева, тот же вряд ли знал наверняка. В те времена часто подозревали в стукачестве не тех, кого следовало. <...> С другой стороны, <...> <Бернштам> публично пытался “изобличить” Гумилева в “немар-

ксизме», что в условиях того времени и в самом деле означало своего рода донос» [Беляков, 2013, с. 213–214]. К этому можно добавить, что Бернштам написал статью «Идеализм в этнографии (Руденко и руденковщина)», где обвинял находившегося в заключении Руденко в том, что он якобы проповедовал «прямую контрреволюцию» и проявлял «активную враждебность диктатуре пролетариата и социалистическому строительству» [Бернштам, 1932]. Цит. по: [Кирюшин и др., 2004; Тишкин, Шмидт, 2004, с. 25]. Беляков, рассказывая о Бернштаме в главе «Двойник Гумилева», отмечает: «Бернштам и Гумилев были как будто самой природой предназначены к вражде. Гумилев ненавидел Бернштама, как только может дворянин (пусть и мнимый) ненавидеть выскочку-разночинца, “белый” – “красного”, несчастный человек – счастличика» [Беляков, 2013, с. 214]. Добавлю в эту оппозицию: как человек, с годами все откровеннее склонный к антисемитизму, – типичного по облику еврея (см. в книге Белякова главу «Гумилев и евреи», с. 57–584). «Интересно, что и родились они в один день, 1 октября по новому стилю, только Александр Натанович был двумя годами старше <...> / занимались древней и средневековой историей кочевников Центральной Азии, но Бернштам мог посвятить себя научной работе, а Гумилев годами был от нее отлучен. Бернштаму исключительно повезло с происхождением, для двадцатых – тридцатых лучшего нельзя было и придумать. Его отец, Натан Бернштам, большевик и участник трех революций, погиб в 1920 году в Крыму, сражаясь с врангелевцами. / Пока Гумилев зарабатывал рабочий стаж в трамвайном депо, в геологических партиях и паразитологических отрядах, Бернштам без экзамена поступил на этнографическое отделение ЛГУ, успешно его окончил, поступил в аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию. / Когда Гумилев наконец поступил на истфак, Бернштам был уже старшим научным сотрудником Государственной академии материальной культуры (ГАИМК), а два года спустя возглавил Семиреченскую археологическую экспедицию. С тех пор он будет ездить в Среднюю Азию каждый год, руководить раскопками, откроет сотни ценных археологических памятников, будет читать древнетюркские рунические надписи. / Гумилев только в 1948–1949 опубликует две небольшие статьи, затем последует перерыв до 1958 года. У Бернштама с 1931-го по 1956-й выйдет 250 научных работ, из них 20 – отдельными книгами. <...> / На рубеже сороковых – пятидесятых Бернштам оставался известным и уважаемым советским ученым, в том время как Гумилев год спустя после защиты вновь оказался в тюрьме. Впрочем, вскоре звезда Бернштама стала закатываться» [Беляков, 2013, с. 214–215]. Радость Гумилева по поводу кампании против Бернштама отразилась в письмах к Ахматовой из лагеря. Так, 4 января 1953 г. он писал: «Прочел я в “Большевике” рецензию на “Историю гуннов” Бернштама. Я рад, что мерзавец получил по заслугам, но удивительно, за что на меня ополчались, – я говорил то же самое, что напечатано в “Большевике”»; 5 февраля 1954 г.: «...я прочел в “Советской Археологии”, что, наконец, разоблачен Бернштам, как лжеученый, невежда и маррист. Он получил по заслугам, и меня должны были бы с почетом везти домой, но почему-то этого не делают»; 2 июня 1954 г.: «Все свободное время я занимался историей, и мне удалось подготовить конспект диссертации по истории хуннов. Задача эта очень сложная, как ты знаешь, Бернштам сломал на этом шею, но я надеюсь, что у меня получилось лучше, и если я доживу до свободы, то у меня будет что защищать» [«Милая...», 2007, с. 135, 142, 146] (о знакомстве Ахматовой с Бернштамом сведений нет, на защитах работ Гумилева она не присутствовала). В завещании «Для оперуполн<омоченного> или следователя» Гумилев объяснял значение рукописи своей будущей диссертации: «Книга эта может восполнить пробел в науке и отчасти залечить раны, нанесенные нашей науке наглостью и бездарностью доктора ист. наук А. Н. Бернштама» [«И все-таки...», 2014, с. 61]. Бернштам умрет «через полгода после возвращения Гумилева из лагеря, но Лев Николаевич еще не раз помянет его “добрым словом”. В конце пятидесятых – начале шестидесятых имя Бернштама появляется едва ли не в каждой второй работе Гумилева. Он уничтожал его повсюду, где только мог. / Между тем в сочинениях современных тюркологов ссылки на труды Бернштама встречаются чаще,

Я сам, увлекаясь теорией Н. Я. Марра⁷⁶, неоднократно вступал в теоретические споры с Л. Н. Гумилевым, но должен заявить, что никогда при самой острой дискуссии не слышал от него никаких суждений, которые могли бы посеять во мне подозрения относительно советского лица Л. Н. Гумилева. Никогда я не видел в нем врага, поэтому всем, чем только мог, старался помочь этому молодому и очень талантливному ученому. Я был уверен, что со временем он станет гордостью советской исторической науки.

И теперь, оглядываясь на прошлое, я не вижу никаких причин, точнее, не знаю никаких причин для изоляции Л. Н. Гумилева. То, что он проявлял нетерпимость к глупости и невежеству и открыто разоблачал примазавшихся к науке – не преступление, хотя и вызывало острую ненависть к Л. Н. Гумилеву со стороны подобных личностей.

Со статьей УК РСФСР ознакомлен⁷⁷.

Доктор исторических наук, проф. М. И. Артамонов.

Член КПСС с 1940 г.

19 19/ XII 55 г.⁷⁸

чем на статьи и монографии самого Гумилева» [Беляков, 2013, с. 217]. О Гумилеве и Бернштаме см. также у Лаврова [Гумилев, 2003, с. 207–208 и др.].

⁷⁶ «...В начале 1950-х годов предметом нападков на М. И. Артамонова были еще и его якобы глубокие “марристские заблуждения”. О перипетиях, связанных с ними, написал Б. Б. Пиотровский, которого вместе с М. И. Артамоновым весьма настойчиво пытались “перевоспитывать” партийные и беспартийные институтские лидеры <...>. К счастью, в горьком эта акция не была поддержана. Но каяться в ошибках, конечно, пришлось за марровские фантазии всем ученым независимо от рангов, поскольку все обязаны были ссылаться на Н. Я. Марра <...>. В 1951 г. М. И. Артамонов написал соответствующую статью, опубликованную тогда же в “Советской археологии” (XV), редактором которой он был. Статья называлась “Труды товарища Сталина по вопросам языкознания и советская археология”. Это был самый крупный, если не единственный, шаг по пути конъюнктурного соглашения, сделанный ученым под давлением обстоятельств, которые могли привести к легко предсказуемому концу. Он был обязан написать ее не только как ученый, упоминавший и использовавший в нескольких своих работах туманные марристские теории, но и как главный редактор сборника (почти журнала), читаемого всеми советскими и многими зарубежными археологами. Статья, видимо, удовлетворила наших идейных руководителей, а значит, заставила умолкнуть недоброжелателей» [Плетнева, 1998, с. 210].

⁷⁷ Так! Пропуск на месте номера или названия статьи. В «Уголовном кодексе РСФСР» [Уголовный..., 1953, с. 35] ложное показание и ложный донос – это статья № 95.

⁷⁸ «...Главным Учителем для Льва Гумилева стал археолог Михаил Илларионович Артамонов. <...> Отсюда и интерес к хазарской теме, раскрытой Л. Н. Гумилевым в ряде статей и монографии “Открытие Хазарии”» [Жервэ, Козырева, 2012]. Впоследствии учитель написал вступительные слова к этой монографии [Артамонов, 1966]. Артамонов был высокого мнения о кандидатской диссертации Гумилева. «...Показательна для “широкой” характеристики Артамонова история “Левушки”. Так ласково на протяжении многих лет он называл Льва Николаевича Гумилева, жизненную трагедию которого знал на правах очевидца <...> и высоко ценил его художественный талант. Приютил его перед второй посадкой в Волго-Донской экспедиции, где он, держась предельно замкнуто, однажды вечером поразил нас чтением своего замечательного по образной силе перевода Гесера. После его выхода из лагеря в 1956 г. М. И. сразу же взял его в Эрмитаж, зачислив в штат библиотеки с полной свободой научных занятий. В эти годы фантазия Гумилева эмбрионально сублимировала те “пассионарные” идеи, которые много позднее, будучи

обнародованными, придали ему особую популярность. М. И. был очень отзывчив на сообщения о полевых поисках Гумилева, внося большую поправку на его воображение. По одному из них – якобы об открытии Итиля, что составляло заветную мечту Гумилева – М. И. осмотрел заурядное малое городище у станицы Шелковской в Дагестане. М. И. подготовил и провел его защиту, развивая идею необходимости становления особого направления гуманитарии – художественной историографии» [Столяр, 1997, с. 55–56]. Тема докторской диссертации Гумилева, которую он защитил в 1961 г. и оппонентом на которой был Артамонов, – «Древние тюрки. История Срединной Азии на грани Древности и Средневековья (VI–VIII вв.)». Когда вышла книга Гумилева «Хунну» [Гумилев, 1960], подвергшаяся жесткой критике ряда востоковедов за ошибки и использование устаревших переводов в силу незнания китайского и японского языков, Артамонов выступил на обсуждении в ее защиту: «Невозможно требовать от одного человека одинаково высокой исторической и филологической подготовки. Спор о праве историка пользоваться имеющимися переводами беспредметен. Конечно, Л. Н. Гумилев вправе был работать с подобными переводами, тем более, что он создавал обобщающий труд, а не частное исследование, устанавливающее определенный факт или поправку к его истолкованию» [Гумилев, 2003, с. 226]. Артамонов предложил Гумилеву стать редактором своего фундаментального труда о хазарах, во введении к которому выразил Льву Николаевичу благодарность за результаты пока еще не опубликованных исследований. См.: [Артамонов, 1962]. С подачи Артамонова Гумилев с 1959 г. стал читать лекции на историческом факультете ЛГУ [Беляков, 2013, с. 524–526]. Гумилев ценил помощь учителя. 10 января 1956 г. он писал Герштейн из лагеря: «Подробности Вашей жизни меня очень заинтересовали, особенно касательно Мих<аила> Илл<арионовича>. Не надумает ли он прислать мне оттисков или открытку, чтобы я мог ему ответить? Я очень хотел бы задать ему несколько вопросов по скифам, ибо область охвата моей темы очень расширяется. Встало много новых проблем, но материала нет...» [Герштейн, 1998, с. 376]. По-видимому, с этой просьбой Герштейн обратиться к Артамонову не решилась. Впоследствии Гумилев не раз с благодарностью вспоминал Артамонова. Так, в «Автонекрологе» он писал: «...я поступил на работу в Эрмитаж, куда меня принял профессор Артамонов, но тоже, видимо, преодолевая очень большое сопротивление. / Я очень чтю память профессора Артамонова, его отношение ко мне и то, что, несмотря на какие-то мне непонятные нажимы, он все-таки принял меня на ставку беременных и больных, после чего я стал получать хоть какую-то зарплату и смог жить» [Гумилев, 2003, с. 25]. Однако в 1970 г. дружба между учителем и учеником прервалась. Со второй половины 1960-х гг. Гумилев все больше погружался в свою пассионарную теорию этногенеза, которую отвергли многие ученые, включая и Артамонова. В 1970 г. Артамонов в рамках уважительной научной полемики откликнулся на статью: [Гумилев, Эрдейи, 1969]. См.: [Артамонов, Плетнева, 1970]. Артамонов участвовал в дискуссии по поводу статьи Гумилева «Этногенез и этносфера» [Гумилев, 1970в; Артамонов, 1971]. В своей рецензии Артамонов вежливо, но категорично опроверг гумилевское определение «этноса» и подверг критике теорию пассионарности – как самое слабое место в построении Гумилева. По словам С. С. Белякова, ученик «не пожалел учителя и на страницах того же журнала разгромил его, поймав на фактических ошибках и противоречиях, а несколько месяцев спустя продолжил спор с Артамоновым в изящной, остроумной и беспощадной статье “Этнос – состояние или процесс?”» [Беляков, 2013, с. 459]. Свидетельство А. Д. Столяра: «Все сразу же изменилось незадолго до кончины М. И., когда Л. Н. Гумилев начал раскрываться в своей претензии на глобальную историческую теорию. Такая фантастическая спекуляция, да еще отдающая душком, для М. И. была категорически неприемлема. Сокращая свой последний разговор с Гумилевым, М. И. не изменил своей прямоте: “Лев Николаевич! Вот Бог, а вот порог,” – были прощальные слова бывшему “Левушке”» [Столяр, 1997, с. 55–56]. Об этом, кажется, Гумилев предпочитал не вспоминать.

«Объяснения», часть 2:

Как раз к этому времени, когда мы собрали эти документы, Анна Андреевна попала в больницу (2-ю Градскую) по поводу аппендицита⁷⁹ и решила, чтобы я, созвонившись с М. А., сама отнесла ему копии. Я очень сбивчиво говорила с Шолоховым по телефону, потому что, назвав незнакомую ему фамилию, не услышала приветливого отклика, и несколько раз повторила, что Ахматова просила ее извинить, так как больна, лежит в больнице, и мой собеседник, наконец, резко меня оборвал: «Я уже слышал, что Ахматова больна, что дальше?» Впрочем, он предложил мне опять позвонить ему в какой-то день в 9 час. утра. Когда я рассказала об этом Анне Андреевне, она очень рассердилась: «Ему говорят, что писатель, товарищ болен, а он отвечает: “Я уже это слышал”! Не звоните больше ему и не ходите, он ничего не сделает».

Вот каким образом осталось неиспользованным ее письмо к Шолохову от 16 января 1956 г., которое я нашла у себя в старых бумагах.

Второе письмо А. А. Ахматовой М. А. Шолохову⁸⁰:

Дорогой Михаил Александрович!

Посылаю Вам копии отзывов ученых о моем несчастном сыне (оригиналы находятся в деле); может быть, они Вам пригодятся. Во всяком случае, я хочу, чтобы Вы их прочли и знали, за кого Вы просите.

Бесконечно благодарю Вас за Ваше участие и товарищеское отношение.

Это письмо передаст мой друг Эмма Григорьевна Герштейн, которая, ввиду моей болезни, заменяет меня во всех хлопотах по этому делу.

Простите меня.

Анна Ахматова.

16 января 1956
Москва

Список литературы

Алпатов В. История одного мифа. Марр и марризм // Знание – сила. 1990. № 11–12.

Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. 240 с.

Альмов С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Полит.ру. 2009. 26 авг. URL: https://polit.ru/article/2009/08/26/alymov/#_edn40 (дата обращения 09.02.2023).

⁷⁹ Ахматова попала в московскую 2-ю Градскую больницу 23 декабря 1955 г. Диагноз – острый аппендицит, но на операцию врачи тогда не решились. Ее выписали 6 января 1956 г. Заключение врача: «Инfiltrат рассосался» [Черных, 2016, с. 591–592].

⁸⁰ Место хранения письма: РГБ. Ф. 641. Кар. 3. Ед. хр. 9. Л. 4. Автограф Ахматовой, синие чернила. Конверт (л. 5) – без адреса; рукой Ахматовой написано: «Михаилу Александровичу / Шолохову // от А. Ахматовой».

Амосова А. А., Бранденбергер Д. Новейшие подходы к интерпретации «Ленинградского дела» конца 1940-х – начала 1950-х годов в российских научно-популярных изданиях // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 94–112.

Ардов В. Анна Ахматова // Этюды к портретам. М.: Сов. писатель, 1983. С. 50–64.

Ардов М. Жертва акмеизма // Время московских новостей. 2002. 18 окт. URL: http://st-rexnikolas.ru/statii/statii_06.html (дата обращения 09.02.2023).

Артамонов М. И. Раскопки курганов в долине реки Маныч в 1935 г. // СА. 1937. Т. 4. С. 93–132.

Артамонов М. И. Южно-Подольская археологическая экспедиция // Вестник ЛГУ. 1946. № 4–5. С. 236–237.

Артамонов М. И. Юго-Подольская экспедиция // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1947. Вып. 21. С. 74–76.

Артамонов М. И. История хазар / Примеч., ред. Л. Н. Гумилева. Л.: Изд.-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.

Артамонов М. И. Предисловие // Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М.: Наука, 1966. С. 3–7.

Артамонов М. И. Снова «герои» и «толпа»? // Природа. 1971. № 2. С. 75–77.

Артамонов М. И., Плетнева С. А. Еще раз о степной культуре Евразии // Народы Азии и Африки. 1970. № 3. С. 89–93.

Ахматова А. А. «Отчаяние меня разрушает...»: (Письмо Ахматовой Ворошилову и ответ Генерального прокурора Руденко) / Вступ. заметка А. Воронцова; публ. А. И. Кокурина // Шпион = Spy. 1994. № 3 (5). С. 22.

Бабиченко Д. Жданов, Маленков и дело ленинградских журналов // Вопросы литературы. 1993. № 3. С. 201–214.

Беляков С. С. Гумилев сын Гумилева. М.: АСТ, 2013. 797 с.

Бернштам А. Н. Идеализм в этнографии (Руденко и руденковщина) // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1932. № 1–2. С. 22–27.

Блестящие предвидения талантливого ученого – Александра Натановича Бернштама // OPEN.KG [Сайт, посвященный Кыргызстану]. 2019. 16 нояб. URL: <https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/history/historical-records/history-and-archeology-of-the-ancient-tien-shan/35267-anbernshtam-issledovatel-drevnih-kultur-sredney-azii-chast-3.html?ysclid=lapsoni4z8510537211> (дата обращения 09.02.2023).

Болдовский К. А., Бранденбергер Д. Обвинительное заключение «ленинградского дела»: контекст и анализ содержания // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 993–1027.

Васильев С. А. Собр. соч.: В 3 т. / Сост. и подгот. текста Г. Ризановой-Васильевой. М.: Худож. лит., 1979. Т. 3. 573 с.

Всемирная история: В 10 т. / Гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Госполитиздат; Соцэкиз; Мысль, 1955–1965 (и 3 доп. тома 1977–1983 гг.).

Вспоминая Л. Н. Гумилева. Воспоминания. Публикации. Исследования / Сост. и коммент. В. Н. Вороновича, М. Г. Козыревой, А. Н. Козырева. СПб.: Росток, 2003. 368 с.

Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. СПб.: Нестор-История, 2004. 216 с.

Рубинчик О. Е. О хлопотах Ахматовой по освобождению сына (новые детали)

Герштейн Э. Г. Мемуары и факты (об освобождении Льва Гумилева) // *Russian Literature Triquarterly*. Ann Arbor (USA): Ardis, 1976. № 13. P. 645–657.

Герштейн Э. Г. Мемуары и факты (об освобождении Льва Гумилева) // Анна Ахматова: Стихи, переписка, воспоминания, иконография / Сост. Э. Проффер. Анн Арбор: Ардис, 1977. С. 103–114.

Герштейн Э. Г. Мемуары и факты (об освобождении Льва Гумилева) // *Горизонт*. 1989. № 6. С. 55–65.

Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. 528 с.

Глэкин Г. В. Что мне дано было... Об Анне Ахматовой / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Н. Г. Гончаровой. М.: Азбуковник, 2015. 304 с.

Головникова О. В., Тархова Н. С. «Иосиф Виссарионович! Спасите советского историка...» (о неизвестном письме Анны Ахматовой Сталину) // *Отечественная история*. 2001. № 3. С. 149–157.

Гумилев Л. Сергей Иванович Руденко [Некролог] // *Изв. Всесоюзного географического общества*. 1970а. Т. 102, вып. 1. С. 91–93.

Гумилев Л. Автобиография. Воспоминания о родителях. Автонекролог. Лавров С. Лев Гумилев: Судьба и идеи. Воспоминания. М.: Айрис-пресс, 2003. 608 с.

Гумилев Л. Н. Политическая история первого тюркского каганата (546–659 гг.): Тез. ... канд. ист. наук. Л.: Ленингр. гос. ун-т., 1948. 2 с.

Гумилев Л. Н. Статуэтки воинов из Туяк-Мазара // *Сборник Музея антропологии и этнографии*. М.; Л.: 1949. Т. 12. С. 232–253.

Гумилев Л. Н. Удельно-лестничная система у тюрков VI–VII вв. // *СЭ*. 1959. № 3. С. 11–25.

Гумилев Л. Н. Хунну: Срединная Азия в древние времена. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 291 с.

Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М.: Наука, 1970б. 430 с.

Гумилев Л. Н. Этногенез и этносфера // *Природа*. 1970в. № 1. С. 44–55; № 2. С. 13–50.

Гумилев Л. Н. Хунны в Китае: Три века войны Китая со степными народами III – VI веков. М.: Наука, 1974. 236 с.

Гумилев Л. Н. Тридцать писем Васе / Публ. Г. М. Прохорова // *Мѣра: Литературный, художественный и религиозно-философский журнал*. СПб.: Глаголь, 1994. № 4. С. 102–143.

Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия // *Гумилев Л. Н. Соч.*: В 15 т. / Сост. и общ. ред. А. И. Куркчи. М.: Ин-т ДИ-ДИК, 1998. Т. 11. 587 с.

Гумилев Л. Н. «Дар слов мне был обещан от природы...»: [Полн. собр. худож. творч. наследия] / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. М. Г. Козыревой и В. Н. Вороновича. СПб.: Росток, 2004. 624 с.

Гумилев Л. Н., Эрдеи И. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века // *Народы Азии и Африки*. 1969. № 3. С. 78–87.

Данин Д. Бремя стыда. [М.]: Раритет-537, [1997?]. 530 с.

Деревянко А. П., Медведев В. Е., Молодин В. И. Великан в науке: К 100-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2008. Т. 7, вып. 3. С. 3–11.

Диалог ученых: Каков феномен культуры малых народов: Л. Н. Гумилев и А. Окладников / Подгот. публ. А. Куркчи // *Декоративное искусство*. 1982. № 8. С. 23–28.

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2023. № 3
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 3

[Емельянов В. В.]. 3 февраля. 120 лет академику Струве // Livejournal. 03.02.2009. URL: <https://banshur69.livejournal.com/32266.html> (дата обращения 08.02.2023).

Жервэ Н. Н., Козырева М. Г. «Возьмем любовь путей земных основой...» Лев Николаевич Гумилев и Ленинградский университет // Санкт-Петербургский университет. 2012. № 12 (3854). 2 окт. URL: <http://journal.spbu.ru/?p=8467> (дата обращения 08.02.2023).

Заднепровский Ю. А. Александр Натанович Бернштам // КСИИМК. М., 1960. Вып. 80. С. 5–8.

Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консульт., ввод. заметки, указатели В. А. Черных. М.: Torino, 1996. 849 с.

Зенина Л. В. Ученый. Учитель. Человек. Гражданин (120 лет со дня рождения Николая Васильевича Кюнера). Краткие вехи биографии // 100 лет петербургскому корееведению. Материалы междунар. конф. СПб., 1997. 147 с.

Зенькович Н. А. Кузнецов Алексей Александрович // Зенькович Н. А. Самые закрытые люди: Энциклопедия биографий. М: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 285–289.

Ибрагимова З. «Археолог должен спешить». Окладников Алексей Павлович // Созидатели: очерки о людях, вписавших свое имя в историю Новосибирска: В 2 т. / Сост. Н. А. Александров. Новосибирск: Клуб меценатов, 2003. Т. 2. С. 346–357. URL: <http://bsk.nios.ru/content/okladnikov-aleksey-pavlovich> (дата обращения 09.02.2023).

«И все-таки я счастливый человек». Лев Гумилев. Фотолетопись / Вступ. ст. М. Р. Писаренко; авто-сост. Т. С. Позднякова, М. Г. Козырева, М. Р. Писаренко. СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 2014. 121 с.

«И зачем нужно было столько лгать?». Письма Льва Гумилева к Наталье Варбанец из лагеря. 1950–1956 / Авт.-сост. Т. С. Позднякова, М. Г. Козырева. СПб.: АГАТ, 2005. 160 с.

«...Иначе поэта нет» (Беседа Л. Э. Варустина с Л. Н. Гумилевым) // Звезда. 1989. № 6. С. 127–133.

Крюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Шмидт О. Г. Жизненный путь Сергея Ивановича Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие С. И. Руденко и деятельность его коллег / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 9–20.

Книга памяти сотрудников контрразведки, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / Ред. коллегия: С. В. Степашин (председатель), А. Е. Сафонов, А. А. Краюшкин и др. М.: Граница, 1995. 543 с.

Кроль Ю. Л. Борис Иванович Панкратов (зарисовка к портрету учителя) // Страны и народы Востока: Вып. 26, кн. 3. М.: Глав. ред. вост. лит., 1989. С. 84–100.

Кроль Ю. Л. Жизнь и научно-педагогическая деятельность Бориса Ивановича Панкратова. (1892–1979) // Страны и народы Востока: Вып. XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. С. 5–37.

Ларионова М. Ч. «Тихо льется тихий Дон...». Донской контекст поэмы А. А. Ахматовой «Реквием» // Новый филологический вестник. 2020. № 2 (53). С. 193–203.

Рубинчик О. Е. О хлопотах Ахматовой по освобождению сына (новые детали)

Л. Н. Гумилев – А. А. Ахматовой. Письма, не дошедшие до адресата / Публ., вступ. ст. и коммент. В. Н. Абросимовой // Знамя. 2011. № 6. С. 141–151.

Мальгин А. * «Плюясь, кичась, юродствуя, открыто издеваясь...» // Livejournal. 02.10.2015. URL: <https://avmalgin.livejournal.com/5718260.html?ysclid=1866bbug2j537201522> (дата обращения 09.02.2023).

Медведева И. Стремя «Тихого Дона» (Загадки романа) / [Предисл. А. Солженицына; послесл. З. Томашевской]. М.: Горизонт, 1993. 127 с.

«Милая, дорогая мамочка... – Дорогой мой сынок Левушка...». Переписка Л. Н. Гумилева и А. А. Ахматовой (1950 – сер. 1954) / Подгот. текстов Н. И. Крайневой; примеч. М. Г. Козыревой, Н. И. Крайневой, А. Я. Разумова // Звезда. 2007. № 8. С. 122–148.

Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества / Сост. Н. Т. Кузнецова. М.: Галерея, 2005. 536 с.

Михайлов Г. И. Академик С. А. Козин. К 100-летию со дня рождения // Вестник Академии наук СССР. 1980. № 1. С. 122–127.

Михайлова О. К. Васильев Сергей // Сайт «Управление культуры Курганской области». 24.08.2002. URL: <http://kultura.kurganobl.ru/3591.html> (дата обращения 09.02.2023).

Молчанов В. Смех дыбом. Веселые стихи поэтов Белогорья и Москвы // Наш современник. 1993. № 3. С. 243–253.

Москва. Кремль. Вождю народов / Под ред. Р. Пихои // Родина. 1993. № 2. С. 51.

Муравьев В. С. Воспоминания об Анне Ахматовой. Беседа с О. Е. Рубинчик. 23 марта 2000 г. // Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова / Введ. Н. И. Поповой, О. Е. Рубинчик; сост., коммент. О. Е. Рубинчик. СПб.: Невский диалект, 2001. С. 60–70.

Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. лит., 1989. 300 с.

Некролог. А. Н. Бернштам // СА. 1973. № 1. С. 289–290.

Новый журнал. 1988. № 171. 320 с.

Обсуждение книги Л. Н. Гумилева «Старобурятская живопись» в Музее антропологии и этнографии (МАЭ). Ленинград, 10 июня 1976 г. / Запись И. Ломачиной // Gumilevica. 1976. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/matter/Article23.htm> (дата обращения 09.02.2023).

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: В 3 т. М.; Л.: АН СССР, 1950–1955.

«Освободить из-под ареста и Пунина и Гумилева и сообщить об исполнении» / Публ. и коммент. В. Гончарова и В. Нехотина // Источник. 1999. № 1. С. 77–82.

Осипов В. О. Тайная жизнь Михаила Шолохова... Документальная хроника без легенд. М.: Либерия; Раритет, 1995. 413 с.

Панкратов Б. И. Иконография тибетского буддизма (В связи с публикацией книги Л. Н. Гумилева «Старобурятская живопись»). Москва, «Искусство», 1975) / Подгот. Е. Д. Огневой // Страны и народы Востока: Вып. XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. С. 289–301.

Пантелеймонов Н. Сергей Смирнов. Л.: Сов. писатель, 1983. 304 с.

* Минюстом России А. Мальгин признан иностранным агентом.

Переписка А. А. Ахматовой и В. К. Шилейко / Публ. А. И. Павловского, вступ. заметка, подгот. текстов и коммент. Т. М. Двинятиной // Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Н. Лукницкого / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. А. И. Павловский, вступ. ст. Т. М. Двинятиной, подгот. Т. М. Двинятиной и др. СПб.: Наука, 2005. 343 с.

Переписка А. А. Ахматовой с Л. Н. Гумилевым. «...Настоящий двадцатый век» / Вступ. ст. А. Панченко; письма А. А. Ахматовой подгот. к печати Н. В. Гумилева, письма Л. Н. Гумилева – А. М. Панченко // Звезда. 1994. № 4. С. 170–188.

Плетнева С. А. Михаил Илларионович Артамонов (к столетию со дня рождения) // РА. 1998. № 4. С. 202–213.

Разумов А. Я. Дела и допросы // «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник / Под общ. ред. Д. Макфадьена и Н. И. Крайневой; сост. Н. И. Крайнева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 254–317.

Рифтин Б. Л. Рецензии. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология // Астана: Цифровая библиотека Казахстана (BIBLIO.KZ). 03.02.2022. URL: <https://biblio.kz/m/articles/view/РЕЦЕНЗИИ-БОРИС-ИВАНОВИЧ-ПАНКРАТОВ-МОНГОЛИСТИКА-СИНОЛОГИЯ-БУДДОЛОГИЯ> (дата обращения: 09.02.2023).

Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952. 268 с.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.

Руденко С. И. К вопросу об историческом синтезе. По поводу одной дискуссии. Доклад в Географическом обществе, состоявшийся 28 марта 1963 г. // Географическое общество СССР. Доклады по этнографии. Л., 1965. Вып. 1 (4). С. 59–65. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/RSI/rsi01.htm> (дата обращения 09.02.2023).

Руденко С. И., Гумилев Л. Н. Археологические исследования П. К. Козлова в аспекте исторической географии // Изв. Всесоюзного географического общества. 1966. Т. 98, вып. 3. С. 240–246.

Смыслов О. С. Генерал Абакумов. Палач или жертва? М.: Вече, 2012. 445 с.

Сталин И. В. Относительно марксизма в языкознании // Правда. 1950. 20 июня. С. 3–4.

Столяр А. Д. Воспоминания об Учителе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии: Сб. памяти М. И. Артамонова / Ред.-сост. А. И. Айбабин, С. А. Плетнева. Симферополь, 1997. Вып. 6. С. 34–57.

Столяр А. Д. Артамонов Михаил Илларионович // Internet Archive Wayback Machine. 28.09.2011. URL: https://web.archive.org/web/20110716135906/http://www.sati.archaeology.nsc.ru/encyc_top/encyc17/term.html?act=show_text&lo=65&term=336 (дата обращения 09.02.2023).

Столяров К. А. Голгофа. Генерал-полковник Абакумов. Факты и комментарии // Столяров К. А. Палачи и жертвы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. С. 11–148.

Тименчик Р. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. Зеллинский Корнелий Люцианович // История литературы. Поэтика. Кино: Сборник в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой / Ред.-сост. Е. Лямина, О. Лекманов, А. Осповат. М.: Новое издательство, 2012. С. 430–452.

Тименчик Р. Д. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный

сборник / Сост. и науч. ред. Г. М. Темненко. Вып. 11. Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. С. 143–161.

Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы: В 2 т. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2015.

Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Русские поэты XX века: материалы и исследования. Анна Ахматова (1889–1966) / Отв. ред. Г. В. Петрова. М.: Азбуковник, 2021. С. 364–408.

Тишкин А. А., Шмидт О. Г. Годы репрессий в жизни С. И. Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие С. И. Руденко и деятельность его коллег / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 21–29.

Уголовный кодекс РСФСР. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. 131 с.

Фрезинский Б. Эренбург и Ахматова (взаимоотношения, встречи, письма, автографы, суждения) // Вопросы литературы. Март – апрель 2002. С. 243–291.

Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие / Пер. с англ. М. Тименчика. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой / Предисл. А. Наймана; коммент. В. Черных и др. М.: Радуга, 1991. 383 с.

Цюй Юань. Стихи / Вступ. ст. и общ. ред. Н. Т. Федоренко. М.: Гослитиздат, 1954. 159 с.

Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М.: Азбуковник, 2016. 944 с.

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. / Изд. подгот. Е. Ц. Чуковской и Ж. О. Хавкиной при участии Е. Б. Ефимова. М., 1997.

Чуковский К. И. Дневник: [В 2 т.]. [Т. 1]. 1930–1969 / Сост., подгот. текста, коммент. Е. Ц. Чуковской. М.: Современный писатель, 1994. 558 с.

Шапорина Л. В. Дневник: В 2 т. / Вступ. ст. В. Н. Сажина; подгот. текста и коммент. В. Ф. Петровой и В. Н. Сажина. М., 2012.

Шенталинский В. Антитеррористическая операция против Ахматовой // Новая газета. 2000. № 11, 20 марта. С. 29.

Шенталинский В. А. Бог хранит все // Шенталинский В. А. Преступление без наказания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. С. 289–404.

Шолоховская энциклопедия / Под ред. Ю. А. Дворяшина; вступ. ст. М. М. Шолохова. М.: Синергия, 2012. 1216 с.

References

Akhmatova A. A. “Otchajanie menya razrushaet...”: (Pis'mo Akhmatovoj Voroshilovu i otvet General'nogo prokurora Rudenko). Vstup. zametka A. Voroncova ; publ. A. I. Kokurina [“Desperation is destroying me...”: (Akhmatova's letter to Voroshilov and the response of the Prosecutor General Rudenko)]. Entry. note by A. Vorontsov, publ. by A. I. Kokurin. *Shpion = Spy*, 1994, no. 3 (5), p. 22. (in Russ.)

Alpatov V. Istoriya odnogo mifa. Marr i marrizm [History of a myth. Marr and Marrizm]. *Znanie – sila*, 1990, no. 11–12. (in Russ.)

Alpatov V. M. Istoriya odnogo mifa. Marr i marrizm [History of a myth. Marr and Marrizm]. Moscow, 1991, 240 p. (in Russ.)

Alymov S. Kosmopolitizm, marrizm i prochie “grekhi”: otechestvennye etnografy i arkhelogi na rubezhe 1940–1950-kh godov [Cosmopolitanism, Marrism and other “Sins”: Russian Ethnographers and Archaeologists at the Turn of the 1940s–1950s]. In:

Polit.ru. 26.08.2009. (in Russ.) URL: https://polit.ru/article/2009/08/26/alymov/#_edn40 (accessed: 09.02.2023).

Amosova A. A., Brandenberger D. Novejshie podkhody k interpretatsii “Leningradskogo dela” kontsa 1940-kh – nachala 1950-kh godov v rossijskikh nauchno-populyarnykh izdaniyakh [The latest approaches to the interpretation of the “Leningrad case” of the late 1940s – early 1950s in Russian popular science publications]. *Noveshaya istoriya Rossii*. 2017, no. 1, pp. 94–112. (in Russ.)

Ardov M. Zhertva akmeizma [Victim of Acmeism]. *Vrem.a moskovskikh novostej*. 2002, October 18. (in Russ.) URL: http://st-rexnikolas.ru/statii/statii_06.html (accessed: 09.02.2023).

Ardov V. Anna Akhmatova. In: *Etyudy k portretam*. Moscow, Sov. pisatel', 1983, pp. 50–64. (in Russ.)

Artamonov M. I. Istoriya khazar [History of the Khazars]. Notes, ed. by L. N. Gumilev. Leningrad, Izd.-vo Gos. Ermitazha, 1962, 523 p. (in Russ.)

Artamonov M. I. Yugo-Podol'skaya ekspeditsiya [South Podolsk expedition]. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noj kul'tury*, 1947, iss. 21, pp. 74–76. (in Russ.)

Artamonov M. I. Yuzhno-Podol'skaya arkheologicheskaya ekspeditsiya [South Podolsk archaeological expedition]. *Vestnik LSU*, 1946, no. 4–5, pp. 236–237. (in Russ.)

Artamonov M. I. Predislovie [Foreword]. In: Gumilev L. N. Otkrytie Khazarii [Discovery of Khazaria]. Moscow, Nauka, 1966, pp. 3–7. (in Russ.)

Artamonov M. I. Raskopki kurganov v doline reki Manych v 1935 g. [Excavations of mounds in the valley of the Manych River in 1935]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1937, vol. 4, pp. 93–132. (in Russ.)

Artamonov M. I. Snova “geroi” i “tolpa”? [Again “heroes” and “crowd”?] *Priroda*, 1971, no. 2, pp. 75–77. (in Russ.)

Artamonov M. I., Pletneva S. A. Eshche raz o stepnoj kul'ture Evrazii [Once again about the steppe culture of Eurasia]. *Narody Azii i Afriki*, 1970, no. 3, pp. 89–93. (in Russ.)

Babichenko D. Zhdanov, Malenkov i delo leningradskikh zhurnalov [Zhdanov, Malenkov and the case of Leningrad magazines]. *Voprosy literatury*, 1993, no. 3, pp. 201–214. (in Russ.)

Belyakov S. S. Gumilev syn Gumileva [Gumilev son of Gumilev]. Moscow, AST, 2013, 797 p. (in Russ.)

Bernshtam A. N. Idealizm v etnografii (Rudenko i rudenkovshchina) [Idealism in Ethnography (Rudenko and Rudenkovism)]. *Soobshcheniya Gosudarstvennoj akademii istorii material'noj kul'tury*, 1932, no. 1–2, pp. 22–27. (in Russ.)

Blestyashchie predvideniya talantlivogo uchenogo – Aleksandra Natanovicha Bernshtama [Brilliant predictions of a talented scientist - Alexander Natanovich Bernshtam]. In: OPEN.KG [Website dedicated to Kyrgyzstan]. 16.11.2019. (in Russ.) URL: <https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/history/historical-records/history-and-archeology-of-the-ancient-tien-shan/35267-anbernshtam-issledovatel-drevnih-kultur-sredney-azii-chast-3.html?ysclid=lapsoni4z8510537211> (accessed: 09.02.2023).

Boldovsky K. A., Brandenberger D. Obvinitel'noe zaklyuchenie “leningradskogo dela”: kontekst i analiz sodержaniya [The indictment of the “Leningrad case”: context

and content analysis]. *Novejshaya istoriya Rossii*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 993–1027. (in Russ.)

Chernykh V. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoj. 1889–1966* [Chronicle of the life and work of Anna Akhmatova. 1889–1966]. Moscow, Azbukovnik, 2016, 944 p. (in Russ.)

Chukovskaya L. K. *Zapiski ob Anne Akhmatovoj* [Notes about Anna Akhmatova]. In 3 vols. Ed. prepared E. Ts. Chukovskaya and Zh. O. Khavkina with the participation of E. B. Efimov. Moscow, 1997. (in Russ.)

Chukovsky K. I. *Dnevnik* [Diary]. In 2 vols. Compiled, prepared text, comments by E. Ts. Chukovskaya. Moscow, Sovremen. pisatel', 1994, vol. 1: 1930–1969, 558 p. (in Russ.)

Cuj Juan'. *Stikhi* [Poems]. Enter. article and general ed. by N. T. Fedorenko. Moscow, Goslitizdat, 1954, 159 p. (in Russ.)

Danin D. *Bremya styda* [Burden of shame]. Moscow, Moskovskij rabochij, 1996, 384 p. (in Russ.)

Derevyanko A. P., Medvedev V. E., Molodin V. I. *Velikan v nauke: K 100-letiju so dnya rozhdeniya akademika A. P. Okladnikova* [A giant in science: On the occasion of the 100th anniversary of Academician A. P. Okladnikov]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2008, vol. 7, iss. 3, pp. 3–11. (in Russ.)

Dialog uchenykh: *Kakov fenomen kul'tury malykh narodov: L. N. Gumilev i A. Okladnikov* [Dialogue of scientists: What is the phenomenon of the culture of small peoples: L. N. Gumilev and A. Okladnikov]. Prepared publ. by A. Kurkchi. *Dekorativnoe iskusstvo*, 1982, no. 8, pp. 23–28. (in Russ.)

Frezinsky B. *Ehrenburg i Akhmatova (vzaimootnosheniya, vstrechi, pis'ma, avtografy, suzhdeniya)* [Ehrenburg and Akhmatova (relationships, meetings, letters, autographs, judgments)]. *Voprosy literatury*, March, April 2002, pp. 243–291. (in Russ.)

[Emelyanov V. V.]. *3 fevralya. 120 let akademiku Struve* [February 3. 120 years of Academician Struve]. In: *Livejournal*. 03.02.2009. (in Russ.) URL: <https://banshur69.livejournal.com/32266.html> (accessed: 08.02.2023).

Ganelin R. Sh. *Sovetskie istoriki: o chem oni govorili mezhdub soboj: Stranitsy vospominanij o 1940–1970-kh godakh* [Soviet historians: what they talked about among themselves: pages of memories of the 1940–1970s.]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2004, 216 p. (in Russ.)

Gershtein E. G. *Memuary* [Memoirs]. St. Petersburg, INAPRESS, 1998, 528 p. (in Russ.)

Gershtein E. G. *Memuary i fakty (ob osvobozhdenii L'va Gumileva)* [Memoirs and facts (on the release of Lev Gumilev)]. *Gorizont*, 1989, no. 6, pp. 55–65. (in Russ.)

Gershtein E. G. *Memuary i fakty (ob osvobozhdenii L'va Gumileva)* [Memoirs and facts (on the release of Lev Gumilev)]. *Russian Literature Triquarterly*. Ann Arbor (USA), Ardis, 1976, no. 13, pp. 645–657. (in Russ.)

Gershtein E. G. *Memuary i fakty (ob osvobozhdenii L'va Gumileva)* [Memoirs and facts (on the release of Lev Gumilev)]. In: *Anna Akhmatova: Stikhi, perepiska, vospominaniya, ikonografiya* [Anna Akhmatova: Poems, correspondence, memoirs, iconography]. Comp. by E. Proffer. Ann Arbor, Ardis, 1977, pp. 103–114. (in Russ.)

Glyokin G. V. *Chto mne dano bylo... Ob Anne Akhmatovoj* [What was given to me... About Anna Akhmatova]. Comp., prepared text, enter. article, comment. by N. G. Goncharova. Moscow, Azbukovnik, 2015, 304 p. (in Russ.)

Golovnikova O. V., Tarkhova N. S. “Iosif Vissarionovich! Spasite sovetskogo istorika...” (o neizvestnom pis'me Anny Akhmatovoj Stalinu) [“Joseph Vissarionovich! Save the Soviet Historian...” (about Anna Akhmatova’s Unknown Letter to Stalin)]. *Otechestvennaya istoriya*, 2001, no. 3, pp. 149–157. (in Russ.)

Gumilev L. Avtobiografiya. Vospominaniya o roditelyakh. Avtonekrolog. Lavrov S. Lev Gumilev: Sud'ba i idei. Vospominaniya [Autobiography. Memories of parents. Auto obituary. Lavrov S. Lev Gumilev: Fate and Ideas. Memories]. Moscow, Ajrispress, 2003, 608 p. (in Russ.)

Gumilev L. N. “Dar slov mne byl obeshhan ot prirody...” (Poln. sobr. khudozh. tvorch. naslediya) [“The gift of words was promised to me by nature...” (Full. Sobr. artistic creative Heritage)]. Entry. Article, prepared text and comments by M. G. Kozyreva and V. N. Voronovich. St. Petersburg, Rostok, 2004, 624 p. (in Russ.)

Gumilev L. N. Etnogenez i etnosfera [Ethnogenesis and ethnosphere]. *Priroda*, 1970, no. 1, pp. 44–55; no. 2, pp. 13–50. (in Russ.)

Gumilev L. N. Khunnu: Sredinnaya Aziya v drevnie vremena [Xiongnu: Central Asia in antiquity]. Moscow, Izd-vo vost. lit., 1960, 291 p. (in Russ.)

Gumilev L. N. Khunny v Kitae: Tri veka vojny Kitaya so stepnymi narodami III–VI vekov [Huns in China: three centuries of China’s war with the steppe peoples of the 3rd – 6th centuries]. Moscow, Nauka, 1974, 236 p. (in Russ.)

Gumilev L. N. Poiski vymyshlennogo carstva [The Quest for the Fictional Realm]. Moscow, Nauka, 1970, 430 p. (in Russ.)

Gumilev L. N. Politicheskaya istoriya pervogo tjurkского kaganata (546–659 gg.): Tezisy na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Political history of the first Turkic kaganate (546–659): Abstracts for the degree of candidate of historical sciences]. Leningrad, Leningr. gos. un-t., 1948, 2 p. (in Russ.)

Gumilev L. N. Statujetki voinov iz Tujuk-Mazara [Statues of warriors from Tuyuk-Mazar]. In: Sbornik Muzeya antropologii i jetnografii. Moscow, Leningrad, 1949, vol. 12, pp. 232–253. (in Russ.)

Gumilev L. N. Tridsat' pisem Vase [Thirty letters to Vasya]. Publ. by G. M. Prokhorov. *Мѡра, Literaturnyj, khudozhestvennyj i religiozno-filosofskij zhurnal*, 1994, no. 4, pp. 102–143. (in Russ.)

Gumilev L. N. Tysyacheletie vokrug Kaspiya [Millennium around the Caspian]. In: Gumilev L. N. Works. In 15 vols. Comp. and general ed. by A. I. Kurkchi. Moscow, In-DI-DIK, 1998, vol. 11, 587 p. (in Russ.)

Gumilev L. N. Udel'no-lestvichnaya sistema u tjurok VI–VII vv. [Specific-ladder system among the Turks of the 6th – 7th centuries]. *Sovetskaya etnografiya*, 1959, no. 3, pp. 11–25. (in Russ.)

Gumilev L. N., Erdeji I. Edinstvo i raznoobrazie stepnoj kul'tury Evrazii v srednie veka [Unity and Diversity of Eurasian Steppe Culture in the Middle Ages]. *Narody Azii i Afriki*, 1969, no. 3, pp. 78–87. (in Russ.)

Gumilev L. Sergej Ivanovich Rudenko. [Nekrolog] [Necrologue]. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, 1970, vol. 102, iss. 1, pp. 91–93. (in Russ.)

Height A. Anna Akhmatova. Poeticheskoe stranstvie [Poetic Pilgrimage]. Translation from English by M. Timenchik. Diaries, memoirs, letters of A. Akhmatova. Foreword by A. Naiman, comments by V. Chernykh et al. Moscow, Raduga, 1991, 383 p. (in Russ.)

Ibragimova Z. “Arheolog dolzhen speshit” [“The archaeologist must hurry”]. Okladnikov Aleksej Pavlovich. In: Sozidateli: ocherki o lyudyakh, vpisavshikh svoe imya v istoriyu Novosibirsk [Creators: Essays on People Who Inscribed Their Name in the History of Novosibirsk]. In 2 vols. Comp. N. A. Aleksandrov. Novosibirsk, Klub metsenatov, 2003, vol. 2, pp. 346–357. (in Russ.) URL: <http://bsk.nios.ru/content/okladnikov-aleksey-pavlovich> (accessed: 09.02.2023).

“...Inache pojeta net” (Beseda L. E. Varustina s L. N. Gumilevym) [“...Otherwise there is no poet” (Conversation of L. E. Varistin with L. N. Gumilev)]. *Zvezda*, 1989, no. 6, pp. 127–133. (in Russ.)

“I vse-taki ya schastlivyj chelovek”. Lev Gumilev. Fotoletopis' [“Still, I'm a happy person”. Lev Gumilev. Photo chronicle]. Enter. art. by M. R. Pisarenko; Authors-comp. T. S. Pozdnyakova, M. G. Kozyreva, M. R. Pisarenko. St. Petersburg, Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House, 2014, 121 p. (in Russ.)

“I zachem nuzhno bylo stol'ko l'gat'?”. Pis'ma L'va Gumileva k Natal'e Varbanec iz lagerya. 1950–1956 [“Why did you have to lie so much?” Letters from Lev Gumilev to Natalya Varbanets from the camp. 1950–1956]. Authors-comp. T. S. Pozdnyakova, M. G. Kozyreva. St. Petersburg, AGAT, 2005, 160 p. (in Russ.)

Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A., Shmidt O. G. Zhiznennyj put' Sergeya Ivanovicha Rudenko [The life path of Sergei Ivanovich Rudenko]. In: Zhiznennyj put', tvorchestvo, nauchnoe nasledie S. I. Rudenko i deyatel'nost' ego kolleg [Life path, creativity, scientific heritage of S. I. Rudenko and the activities of his colleagues]. Responsible ed. A. A. Tishkin. Barnaul, AltSU Press, 2004, pp. 9–20.

Kniga pamyati sotrudnikov kontrrazvedki, pogibshih i propavshikh bez vesti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945 [Book of memory of counterintelligence officers who died and disappeared during the Great Patriotic War. 1941–1945]. Ed. board: S. V. Stepashin (chairman), A. E. Safonov, A. A. Krayushkin and other. Moscow, Granica, 1995, 543 p. (in Russ.)

Krol Yu. L. Boris Ivanovich Pankratov (zarisovka k portretu uchitelya) [Boris Ivanovich Pankratov (a sketch for a portrait of a teacher)]. In: Strany i narody Vostoka, iss. 26, book 3. Moscow, Glav. red. vost. lit., 1989, pp. 84–100. (in Russ.)

Krol Yu. L. Zhizn' i nauchno-pedagogicheskaya deyatel'nost' Borisa Ivanovicha Pankratova. (1892–1979) [Life and scientific and pedagogical activity of Boris Ivanovich Pankratov. (1892–1979)]. In: Strany i narody Vostoka. Iss. 29. Boris Ivanovich Pankratov. Mongolistika. Sinologiya. Buddologiya. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 1998, pp. 5–37. (in Russ.)

L. N. Gumilev – A. A. Akhmatovoj. Pis'ma, ne doshedshie do adresata [L. N. Gumilev – to A. A. Akhmatova. Letters that did not reach the addressee]. Pub., entry. article and comment. by V. N. Abrosimova. *Znamya*, 2011, no. 6, pp. 141–151. (in Russ.)

Larionova M. Ch. “Tiho l'etsya tihij Don...”. Donskoj kontekst pojemy A. A. Akhmatovoj “Rekviem” [“Quietly flowing quiet Don...”. Don context of A. A. Akhmatova's poem “Requiem”]. *Novyj filologicheskij Vestnik*, 2020, no. 2 (53), pp. 193–203. (in Russ.)

Malgin A. “Plyuyas', kichas', yurodstvuuya, otkryto izdevayasya...” [“Spitting, boasting, foolishness, openly mocking...”]. In: Livejournal, 02.10.2015. (in Russ.) URL: <https://avmalgin.livejournal.com/5718260.html?ysclid=l866bbug2j537201522> (accessed: 09.02.2023).

Medvedeva I. Stremya “Tihogo Dona” (Zagadki romana) [Stirrup “Quiet Flows the Don” (Mysteries of the novel)]. [Preface. by A. Solzhenicyn, post-last by Z. Tomashevskaya]. Moscow, Gorizont, 1993, 127 pp. (in Russ.)

Mikhail Sholohov: Letopis' zhizni i tvorchestva [Chronicle of life and creativity]. Comp. N. T. Kuznetsova. Moscow, Galeriya, 2005, 536 p. (in Russ.)

Mikhajlov G. I. Akademik S. A. Kozin. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya [Academician S. A. Kozin. To the 100th anniversary of the birth]. *Vestnik Akademii nauk SSSR*, 1980, no. 1, pp. 122–127. (in Russ.)

“Milaya, dorogaya mamochka... – Dorogoj moj synok Levushka...”. Peregiska L. N. Gumileva i A. A. Akhmatovoj (1950 – ser. 1954). [“Dear, dear mother ... – My dear son Levushka...” Correspondence of L. N. Gumilev and A. A. Akhmatova (1950 – mid. 1954)]. Prepared. texts by N. I. Kraineva, note by M. G. Kozyreva, N. I. Kraineva, A. Ya. Razumov. *Zvezda*, 2007, no. 8, pp. 122–148. (in Russ.)

Molchanov V. Smekh dybom. Veselye stihi poetov Belogor'ya i Moskvyy [Laughter on end. Cheerful poems of poets of Belogorye and Moscow]. *Nash sovremennik*, 1993, no. 3, pp. 243–253. (in Russ.)

Moskva. Kreml'. Vozhdyu narodov [Moscow. Kremlin. Leader of the peoples]. Ed. by R. Pykhoya. *Rodina*, 1993, no. 2, p. 51. (in Russ.)

Muraviev V. S. Vospominaniya ob Anne Akhmatovoj. Beseda s O. E. Rubinchik. 23 marta 2000 g. [Memories of Anna Akhmatova. Conversation with O. E. Rubinchik. March 23, 2000]. In: Anna Akhmatova: poslednie gody. Rasskazyvayut Viktor Krivulin, Vladimir Murav'ev, Tomas Venclova [Anna Akhmatova: recent years. Narrated by Viktor Krivulin, Vladimir Muravyov, Tomas Venclova]. Introduction. N. I. Popova, O. E. Rubinchik; comp., comment. O. E. Rubinchik. St. Petersburg, Nevskij dialekt, 2001, pp. 60–70. (in Russ.)

Najman A. G. Rasskazy o Anne Akhmatovoj [Stories about Anna Akhmatova]. Moscow, Khudozh. lit., 1989, 300 p. (in Russ.)

Nekrolog [Necrologue]. A. N. Bernshtam. *Sovetskaya arkheologiya*, 1973, no. 1, pp. 289–290. (in Russ.)

Novyj zhurnal [New magazine], 1988, no. 171, 320 p. (in Russ.)

Obsuzhdenie knigi L. N. Gumileva “Staroburyatskaya zhivopis” v Muzeje antropologii i jetnografii (MAE), Leningrad, 10 iyunya 1976 g. [Discussion of L. N. Gumilev's book “Old Buryat Painting” at the Museum of Anthropology and Ethnography (MAE) Leningrad, June 10, 1976]. Recorded by I. Lomakina. *Gumilevica*. (in Russ.) URL: <http://gumilevica.kulichki.net/matter/Article23.htm> (accessed: 09.02.2023).

Okladnikov A. P. Neolit i bronzovyj vek Pribajkal'ya [Neolithic and Bronze Age of the Baikal region]: In 3 vols. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1950–1955. (in Russ.)

Osipov V. O. Tajnaya zhizn' Mikhaila Sholokhov... Dokumental'naya khronika bez legend [The secret life of Mikhail Sholokhov... Documentary chronicle without legends]. Moscow, Libereya, Raritet, 1995, 413 p. (in Russ.)

“Osvobodit' iz-pod aresta i Punina i Gumileva i soobshhit' ob ispolnenii” [“Release from arrest both Punin and Gumilev and report on execution”]. Pub. and comment. V. Goncharova and V. Nekhotin. *Istochnik*, 1999, no. 1, pp. 77–82. (in Russ.)

Pankratov B. I. Ikonografiya tibetskogo buddizma (V svyazi s publikaciej knigi L. N. Gumileva “Staroburyatskaya zhivopis”) [Iconography of Tibetan Buddhism (In connection with the publication of the book by L. N. Gumilev “Old Buryat Painting”]. Moscow, Iskusstvo, 1975)]. Prep. by E. D. Ogneva. In: *Strany i narody Vostoka*:

Iss. 29. Boris Ivanovich Pankratov. Mongolistika. Sinologiya. Buddologiya. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 1998, pp. 289–301. (in Russ.)

Pantelejmonov N. Sergej Smirnov. Leningrad, Sovetskij pisatel', 1983, 304 p.

Perepiska A. A. Akhmatovoj i V. K. Shilejko [Correspondence of A. A. Akhmatova and V. K. Shilejko]. Publ. by A. I. Pavlovsky, join. note, prepare texts and comments. by T. M. Dvinyatina. In: N. Gumilev, A. Akhmatova: Po materialam istoriko-literaturnoj kollekcii P. N. Luknickogo. IRLI (Pushkinskij Dom) RAN, St. Petersburg, Nauka, 2005, 343 p. (in Russ.)

Perepiska A. A. Akhmatovoj s L. N. Gumilevym. "...Nastoyashhij dvadcatyj vek" [Correspondence between A. A. Akhmatova and L. N. Gumilev. "...The real twentieth century"]. Entry. article by A. Panchenko, letters to A. A. Akhmatova prepared. for publication by N. V. Gumileva, letters from L. N. Gumilev by A. M. Panchenko. *Zvezda*, 1994, no. 4, pp. 170–188. (in Russ.)

Pletneva S. A. Mikhail Illarionovich Artamonov (k stoletiyu so dnya rozhdeniya) [(to the centenary of the birth)]. *Rossijskaya arkhologiya*, 1998, no. 4, pp. 202–213. (in Russ.)

Razumov A. Ya. Dela i doprosy [Razumov A. Ya. Cases and interrogations]. In: "I grant forgiveness to everyone...". Akhmatova collection. Under the general editorship. by D. Macfadyen and N. I. Kraineva, comp. by N. I. Kraineva. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2006, pp. 254–317. (in Russ.)

Riftin B. L. Retsenzii. Boris Ivanovich Pankratov. Mongolistika. Sinologiya. Buddologiya [Reviews. Boris Ivanovich Pankratov. Mongolian studies. Sinology. Buddology]. IN: Astana: Cifrovaya biblioteka Kazahstana (BIBLIO.KZ), 03.02.2022. (in Russ.) URL: <https://biblio.kz/m/articles/view/RECENZII-BORIS-IVANOVICH-PANKRATOV-MONGOLISTIKA-SINOLOGIYA-BUDDOLOGIYA> (accessed: 09.02.2023).

Rudenko S. I. Gornoaltajskie nahodki i skify [Gorno-Altai finds and Scythians]. Moscow, St. Petersburg, 1952, 268 p. (in Russ.)

Rudenko S. I. K voprosu ob istoricheskom sinteze. Po povodu odnoj diskussii. Doklad v Geograficheskom obshhestve, sostoyavshijsya 28 marta 1963 g. [On the question of historical synthesis. Concerning one discussion. Lecture at the Geographical Society, March 28, 1963]. In: Geograficheskoe obshhestvo SSSR. Doklady po etnografii. Iss. 1 (4). Leningrad, 1965, pp. 59–65. (in Russ.) URL: <http://gumilevica.kulichki.net/RSI/rsi01.htm> (accessed: 09.02.2023).

Rudenko S. I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya [Culture of the population of Gorny Altai in the Scythian time]. Moscow, St. Petersburg, 1953, 402 p. (in Russ.)

Rudenko S. I., Gumilev L. N. Arheologicheskie issledovaniya P. K. Kozlova v aspekte istoricheskoy geografii [Archaeological research by P.K. Kozlov in the aspect of historical geography]. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshhestva*, 1966, vol. 98, iss. 3, pp. 240–246. (in Russ.)

Shaporina L. V. Dnevnik [Diary]. In 2 vols. Intr. art. by V. N. Sazhin; prepared text and comments. by V. F. Petrova and V. N. Sazhin. Moscow, 2012. (in Russ.)

Shentalinsky V. A. Bog hranit vse [God keeps everything]. In: Shentalinsky V. A. Prestuplenie bez nakazaniya. Moscow, Progress-Pleyada, 2007, pp. 289–404. (in Russ.)

Shentalinsky V. Antiterroristicheskaya operaciya protiv Akhmatovoj [Antiterrorist operation against Akhmatova]. *Novaya gazeta*, 20.03.2000, no 11, p. 29. (in Russ.)

Sholokhovskaya enciklopediya [Sholokhov Encyclopedia]. Ed. by Yu. A. Dvoryashin, intro. article by M. M. Sholokhov. Moscow, Sinergiya, 2012, 1216 p. (in Russ.)

Smyslov O. S. General Abakumov. Palach ili zhertva? [General Abakumov. Executioner or victim?]. Moscow, Veche, 2012, 445 p. (in Russ.)

Stalin I. V. Otnositel'no marksizma v yazykoznanii [Concerning Marxism in Linguistics]. *Pravda*, 20.06.1950, pp. 3–4. (in Russ.)

Stolyar A. D. Artamonov Mikhail Illarionovich. In: Internet Archive Wayback Machine, 28.09.2011. (in Russ.) URL: https://web.archive.org/web/20110716135906/http://www.sati.archaeology.nsc.ru/encyc_top/encyc17/term.html?act=show_text&lo=65&term=336 (accessed: 09.02.2023).

Stolyar A. D. Vospominaniya ob Uchitele [Memories of the Teacher]. In: Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii. Iss. 6. Sb. pamyati M. I. Artamonova [Collection of memory of M. I. Artamonov / Ed. by A. I. Ajbabin, S. A. Pletneva. Simferopol, 1997, pp. 34–57. (in Russ.)

Stolyarov K. A. Golgofa. General-polkovnik Abakumov. Fakty i kommentarii [Calvary. Colonel General Abakumov. Facts and comments]. In: Stolyarov K. A. Palachi i zhertvy. Moscow, OLMA-PRESS, 1997, pp. 11–148. (in Russ.)

Timenchik R. D. Iz Imennogo ukazatelya k “Zapisnym knizhkam” Akhmatovoj [From the Name Index to Akhmatova’s “Notebooks”]. In: Anna Akhmatova: epoha, sud'ba, tvorchestvo: Krymskij Akhmatovskij nauchnyj sbornik. Comp. and scientific ed. G. M. Temnenko. Iss. 11, Simferopol, Biznes-Inform, 2013, pp. 143–161. (in Russ.)

Timenchik R. Iz Imennogo ukazatelya k “Zapisnym knizhkam” Akhmatovoj [From the Name Index to Akhmatova’s “Notebooks”]. *Russkie poety XX veka: materialy i issledovaniya. Anna Akhmatova (1889–1966)*. Ed. G. V. Petrova. Moscow, Azbukovnik, 2021, pp. 364–408. (in Russ.)

Timenchik R. Iz imennogo ukazatelya k “Zapisnym knizhkam” Akhmatovoj. Zelinskij Kornelij Lyucianovich [From the index to Akhmatova's Notebooks. Zelinsky Kornely Lutsianovich. In: History of Literature. Poetics. Cinema: Collection in honor of Marietta Omarovna Chudakova]. In: *Istoriya literatury. Pojetika. Kino: Sbornik v chest' Marijetty Omarovny Chudakovoj*. Ed. E. Lyamina, O. Lekmanov, A. Ospovat. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2012, pp. 430–452. (in Russ.)

Timenchik R. Poslednij poet. Anna Akhmatova v 60-e gody [The last poet. Anna Akhmatova in the 60s]. In 2 vols. Ierusalim, Gesharim, Moscow, Mosty kul'tury, 2015. (in Russ.)

Tishkin A. A., Shmidt O. G. Gody repressij v zhizni S. I. Rudenko [Years of repression in the life of S. I. Rudenko]. In: *Zhiznennyj put', tvorchestvo, nauchnoe nasledie S. I. Rudenko i deyatel'nost' ego kolleg* [Life path, creativity, scientific heritage of S. I. Rudenko and the activities of his colleagues]. Responsible ed. A. A. Tishkin. Barnaul, AltSU Press, 2004, pp. 21–29. (in Russ.)

Ugolovnyj kodeks RSFSR [Criminal Code of the RSFSR]. Moscow, Gos. izd-vo jurid. lit., 1953, 131 p. (in Russ.)

“Upravlenie kul'tury Kurganskoj oblasti”. 24.08.2002. (in Russ.) URL: <http://kultura.kurganobl.ru/3591.html> (accessed: 09.02.2023).

Vasiliev S. A. *Sobr. soch.* [Collected Works]. In 3 vols. Ed. By G. Rizanova-Vasilieva. Moscow, 1979, vol. 3, 573 p. (in Russ.)

Рубинчик О. Е. О хлопотах Ахматовой по освобождению сына (новые детали)

Vsemirnaya istoriya [The World History]. In 10 vols. Chief Ed. E. M. Zhukov. Moscow, Gospolitizdat, Sotsekgiz, Mysl', 1955–1965 (and 3 additional vols. 1977–1983). (in Russ.)

Vspominaya L. N. Gumileva. Vospominaniya. Publikatsii. Issledovaniya [Remembering L. N. Gumilev. Memories. Publications. Research]. Comp. and comment. Sost. i komment. by V. N. Voronovich, M. G. Kozyreva, A. N. Kozyreva. St. Petersburg, Rostok, 2003, 368 p. (in Russ.)

Zadneprovskij Yu. A. Aleksandr Natanovich Bernshtam. In: Kratkie soobshheniya Instituta istorii material'noj kul'tury. Iss. 80, Moscow, 1960, pp. 5–8. (in Russ.)

Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoj (1958–1966) [Notebooks of Anna Akhmatova (1958–1966)]. Comp. and prepar. text by K. N. Suvorova; enter. art. by E. G. Gershtein; scientific consulting, input. notes, indexes by V. A. Chernykh. Moscow, Torino, 1996, 849 p. (in Russ.)

Zenina L. V. Uchenyj. Uchitel'. Chelovek. Grazhdanin (120 let so dnya rozhdeniya Nikolaya Vasil'evicha Künera). Kratkie vehi biografii [Scientist. Teacher. Human. Citizen (120 years since the birth of Nikolai Vasilyevich Küner). Brief milestones of the biography]. In: 100 let peterburgskomu koreevedeniyu. Mat-ly mezhdunarod. konf. St. Petersburg, 1997, 147 p. (in Russ.)

Zenkovich N. A. Kuznecov Aleksej Aleksandrovich. In: Zenkovich N. A. Same zakrytye lyudi: Jenciklopediya biografij [The most closed people: Encyclopedia of biographies]. Moscow, OLMA-PRESS, 2002, pp. 285–289. (in Russ.)

Zherve N. N., Kozyreva M. G. “Voz'mem lyubov' putej zemnyh osnovoj...” Lev Nikolaevich Gumilev i Leningradskij universitet [“Let’s take the love of earthly ways as the basis...” Lev Nikolaevich Gumilev and Leningrad University]. *Sankt-Peterburgskij universitet*, 02.10.2012, no. 12 (3854). (in Russ.) URL: <http://journal.spbu.ru/?p=8467> (accessed: 08.02.2023).

Информация об авторе

Ольга Ефимовна Рубинчик, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the Author

Olga E. Rubinchik, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 01.02.2023;
одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 05.02.2023
The article was submitted on 01.02.2023;
approved after reviewing on 05.02.2023; accepted for publication on 05.02.2023*

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2023. № 3
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 3